

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Чувашской Республики
28 января 2022 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО ГРАЖДАНСКИМ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ
№ 4/2021

Судебная коллегия по гражданским делам
Верховного Суда Чувашской Республики

Судебная коллегия по административным делам
Верховного Суда Чувашской Республики

1. Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений.

Решение собрания ничтожно в случае, если оно принято по вопросу, не включенному в повестку дня, за исключением случая, если в собрании приняли участие все участники соответствующего гражданско-правового сообщества; принято при отсутствии необходимого кворума; принято по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания; противоречит основам правопорядка или нравственности.

Н.И. обратилась в суд с иском к О.Г. о признании решений общего собрания собственников помещений многоквартирного дома №3 от 24 августа 2020 года недействительными в части.

В обоснование требований указала, что в период с 29 июля по 23 августа 2020 года в указанном многоквартирном доме по инициативе собственника жилого помещения О.Г. проведено общее собрание собственников помещений указанного многоквартирного дома. Согласно сообщению о предстоящем собрании в повестку собрания кроме прочего были включены следующие вопросы: пункт 20 Утверждение размера ежемесячной платы на содержание жилого помещения; пункт 21 Утверждение перечня работ по текущему ремонту – установка терморегуляторов на отопление в подъездах № 3 – № 6. При этом вопросы пунктов 20, 21 повестки дня голосования в протоколе собрания и бюллетенях были сформулированы иначе, чем в сообщении о проведении собрания. Между тем решения обжалуемого собрания собственников в части данных пунктов являются недействительными (ничтожными), поскольку при их принятии допущены нарушения гражданского законодательства Российской Федерации: формулировка вопросов по данным пунктам, приведенная в повестке дня в сообщении о проведении собрания, не соответствует фактически рассмотренным вопросам, приведенным в решении собрания.

Так, по пункту 20 по вопросу «Утверждение размера ежемесячной платы на содержание жилого помещения» согласно протоколу на собрании рассмотрен вопрос «Утверждение тарифа на содержание жилого помещения в размере 13,0 рублей на 1 кв.м., тариф на текущий ремонт – 2,0 рублей на 1 кв.м. без учета расходов на коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме» и принято аналогичное решение. Между тем часть 2 статьи 154 Жилищного кодекса Российской Федерации устанавливает, что плата за жилое помещение

и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя плату за содержание жилого помещения, включающую в себя плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме. Принятие решений об изменении структуры платы за содержание жилого помещения, установленной законом, не относится к компетенции общего собрания. В связи с чем пункт 20 решения в части установления тарифа на текущий ремонт в размере 2,0 рублей за 1 кв.м. без учета расходов на коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме, является недействительным, поскольку не заявлен в сообщении, не соответствует закону и приводит к необоснованному завышению тарифа.

Пункт 21 также является недействительным в части «Весь перечень работ по текущему ремонту по согласованию с Советом МКД», так как данная часть не заявлена в сообщении, кроме того, наделяет Совет МКД дополнительными полномочиями на принятие решения по текущему ремонту общего имущества. При этом такое решение принимается более чем пятьюдесятью процентами голосов от общего числа голосов собственников помещений в многоквартирном доме. При принятии решения по данному пункту отсутствовал кворум, поскольку 50% от общего числа голосов составляет 12 285,44 кв.м., а за принятие оспариваемого решения проголосовали собственники, обладающие 11 414,52 кв.м.

Решением районного суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Разрешая исковые требования, суд первой инстанции, руководствуясь положениями 44, 45, 46, 146, 156, 175 ЖК РФ, на основании оценки собранных по делу доказательств в их совокупности, пришел к выводу о том, что решения собрания собственников от 24 августа 2020 года приняты при наличии необходимого кворума, каких-либо существенных нарушений при созыве и проведении оспариваемого собрания допущено не было. Само по себе принятие общим собранием собственников помещений МКД решений, с которыми не согласен истец, не свидетельствует о нарушении их прав и законных интересов.

С такими выводами суда судебная коллегия не согласилась, поскольку они не соответствуют обстоятельствам дела. При организации проведения общего собрания были допущены существенные нарушения, которые влекут за собой недействительность его решений в части пунктов 20,21.

Так, из представленных в материалы дела доказательств и буквального толкования сообщения о созыве общего собрания и проведении заочного голосования, следует, что заочная часть собрания проводилась ввиду того, что в очной части 29 июля 2020 года отсутствовал кворум.

Таким образом, собрание имело очно-заочную форму, и по правилу части 1 статьи 46 ЖК РФ повестка дня заочной части не могла отличаться от повестки дня, указанной в объявлении о созыве собрания с 30 июля 2020 года – 23 августа 2020 года.

Между тем, повестка дня очно-заочной части собрания в части вопросов пункта 20 об утверждении тарифа на текущий ремонт – 2,0 рубля за 1 кв.м. без учета расходов на коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме, а также пункт 21 в части утверждения всего перечня работ по текущему ремонту по согласованию с Советом МКД не соответствовала сообщению о проведении общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме №3, содержания данных пунктов были значительно расширены и изменены.

В повестке дня протокола №1 от 24 августа 2020 года содержание вопроса пункта 20 указано как «Утверждение размера ежемесячной платы на содержание жилого помещения», вопроса пункта 21 как «Утверждение перечня работ по текущему ремонту: - установка терморегуляторов на отопление в подъездах №3-№6», аналогичные

формулировки вопросов по указанным пунктам содержатся в уведомлении об общем собрании.

Вместе с тем, как следует из бюллетеней для голосования собственников помещений многоквартирного дома, решение принято по вопросу пункта 20 «Утверждение тарифа на содержание жилого помещения в размере 13, 0 рублей за 1 кв.м., тариф на текущий ремонт – 2,0 рубля за 1 кв.м. без учета расходов на коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме», по вопросу пункта 21 «Установка в 2020 году терморегуляторов на отопление в подъездах №3-№6. Весь перечень работ по текущему ремонту по согласованию с Советом МКД».

Изложенное свидетельствует о том, что при голосовании в очно-заочной форме общим собранием приняты решения по вопросам, изначально не включенным в повестку дня.

Кроме того, принятие решения о текущем ремонте предполагает необходимость определения объема работ, перечня работ, их стоимости, сроков проведения и принятия по этим вопросам решения. В протоколе общего собрания не отражено принятие решения собственниками помещений по этим вопросам, которые составляют суть и содержание самого решения о текущем ремонте.

Оплата услуги управляющей организации по содержанию и текущему ремонту общего имущества многоквартирного дома входит в структуру платы за содержание жилого помещения, размер которой определяется в соответствии с нормами статьи 156 Жилищного кодекса Российской Федерации.

В силу статьи 181.5 ГК РФ если иное не предусмотрено законом, решение собрания ничтожно в случае, если оно принято по вопросу, не включенному в повестку дня, за исключением случая, если в собрании приняли участие все участники соответствующего гражданско-правового сообщества; принято при отсутствии необходимого кворума; принято по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания; противоречит основам правопорядка или нравственности.

Частью 1 статьи 37 ЖК РФ установлено, что доля в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме собственника помещения в этом доме пропорционально размеру общей площади указанного помещения.

В соответствии с положениями пункта 7 части 5 статьи 161.1 ЖК РФ совет дома осуществляет принятие решений о текущем ремонте общего имущества в многоквартирном доме в случае принятия соответствующего решения общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме в соответствии с пунктом 4.2 части 2 статьи 44 настоящего Кодекса.

Согласно части 1 статьи 46 ЖК РФ, решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме по вопросам, предусмотренным пунктом 4.2 части 2 статьи 44 ЖК РФ принимаются более чем пятьюдесятью процентами голосов от общего числа голосов собственников помещений в многоквартирном доме.

Из оспариваемого протокола №1 от 24 августа 2020 года усматривается, что в многоквартирном доме №3 собственники помещений владеют 24570,89 кв.м., по вопросу пункта 21 в части утверждения всего перечня работ по текущему ремонту по согласованию с Советом МКД проголосовали «за» собственники помещений, обладающие 11 414,52 кв.м., что составляет 46,45 % от общего числа собственников помещений в многоквартирном доме.

Таким образом, при отсутствии необходимого числа проголосовавших за принятие данного решения (более 50% от 24570,89 кв.м.), решение по указанному вопросу (пункт 21 протокола) не может считаться принятым. Это обстоятельство имеет существенное значение для правильного разрешения спора, однако суд его не проверил, положения Жилищного кодекса Российской Федерации по данному вопросу не учел.

Доказательств, свидетельствующих о наличии согласия более чем пятидесяти процентов голосов от общего числа голосов собственников помещений в многоквартирном доме при принятии решения вопроса по п.21 повестки собрания, вопреки требованиям статей 56, 60 ГПК РФ, суду не представлено.

Учитывая вышеизложенное, исходя из того, что порядок организации и проведения внеочередного общего собрания собственников помещений многоквартирного №3, оформленного протоколом №1 от 24 августа 2020 года, предусмотренный статьями 45-48 Жилищного кодекса Российской Федерации не соблюден, принятие решения по вопросам пункта 20 об утверждении тарифа на текущий ремонт – 2,0 рубля за 1 кв.м. без учета расходов на коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме; пункта 21 в части утверждения всего перечня работ по текущему ремонту по согласованию с Советом МКД осуществлено без включения данных вопросов в повестку дня, что является существенным нарушением порядка проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме согласно вышеприведенным положениям ЖК РФ, при этом в собрании приняли участие не все собственники помещений многоквартирного дома, необходимый кворум при принятии решения по вопросу пункта 21 повестки собрания не имелся, судебная коллегия сочла, что имеются правовые основания для удовлетворения исковых требований о признании недействительными решения внеочередного общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме от 24 августа 2020 года в части принятия решений по вопросу пункта 20 об утверждении тарифа на текущий ремонт – 2,0 рубля за 1 кв.м. без учета расходов на коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме; пункта 21 в части утверждения всего перечня работ по текущему ремонту по согласованию с Советом МКД.

*Апелляционное дело № 33-4321/2021
Московский районный суд г. Чебоксары*

2. Разрешение споров, возникающих из трудовых отношений.

В соответствии с действующим законодательством на исправительные учреждения не может быть возложена обязанность по проведению специальной оценки условий труда.

Прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, действующий в интересах неопределенного круга лиц, обратился в суд с иском к ФКУ КП-8 УФСИН России по ЧР об обязанности провести специальную оценку условий труда.

Как установлено судом первой инстанции, прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях проведена проверка соблюдения ФКУ КП-8 УФСИН России по ЧР трудового законодательства Российской Федерации. По результатам проверки установлено, что в нарушение трудового законодательства, а именно статьи 212 Трудового кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» на рабочем месте прессовщика полуфабрикатов макаронных изделий в ФКУ КП-8, где к труду привлекаются осужденные, не проведена специальная оценка условий труда, что влечет нарушение прав и законных интересов неопределенного круга лиц, включая трудоустроенных в исправительном учреждении осужденных.

По результатам проверки в адрес начальника ФКУ КП-8 УФСИН России по ЧР 31 мая 2021 года вынесено представление об устранении нарушений законов, причин и условий, способствующих выявленным нарушениям, и сообщении в месячный срок о принятых мерах.

Ответом от 8 июля 2021 года ФКУ КП-8 УФСИН России по ЧР сообщило прокурору о том, что специальная оценка условий труда рабочего места прессовщика

полуфабрикатов макаронных изделий при замене 18 мая 2020 года используемого оборудования на прессе макаронных изделий ПМИ02 по состоянию на 8 июля 2021 года не проведена, так как вместе с этим мероприятием запланировано проведение специальной оценки условий труда рабочего места аппаратчика крупяного производства. Указано, что обязуются провести специальную оценку условий труда в срок до 1 ноября 2021 года.

Разрешая заявленный спор, и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что невыполнение обязанности по проведению специальной оценки условий труда рабочих мест нарушает права осужденных, работающих в исправительном учреждении, и неопределенного круга лиц, которые могут вступить в трудовые отношения с исправительным учреждением, на безопасных условиях труда.

С указанными выводами суда первой инстанции судебная коллегия не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с частью 1 статьи 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ обязанности по организации и финансированию проведения специальной оценки условий труда возлагаются на работодателя.

Специальная оценка условий труда проводится совместно работодателем и организацией или организациями, соответствующими требованиям статьи 19 названного закона и привлекаемому работодателем на основании гражданско-правового договора (часть 2 статьи 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ).

Согласно части 1 статьи 19 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ организация, проводящая специальную оценку условий труда, должна соответствовать следующим требованиям: указание в уставных документах организации в качестве основного вида деятельности или одного из видов ее деятельности проведение специальной оценки условий труда; наличие в организации не менее пяти экспертов, работающих по трудовому договору и имеющих сертификат эксперта на право выполнения работ по специальной оценке условий труда, в том числе не менее одного эксперта, имеющего высшее образование по одной из специальностей - общая гигиена, гигиена труда, санитарно-гигиенические лабораторные исследования; наличие в качестве структурного подразделения испытательной лаборатории (центра), которая аккредитована национальным органом по аккредитации в соответствии с законодательством Российской Федерации об аккредитации в национальной системе аккредитации и областью аккредитации которой является проведение исследований (испытаний) и измерений вредных и (или) опасных факторов производственной среды и трудового процесса, предусмотренных пунктами 1-11 и 15-23 части 3 статьи 13 данного федерального закона.

В силу требований статьи 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации об обязательности судебных постановлений, статьи 210 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации об исполнении решения суда в совокупности с положениями приведенного пункта 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении», решение должно быть исполнимым.

Исходя из норм статьи 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ работодатель лишь организывает и финансирует проведение специальной оценки условий труда. Вместе с тем, в нарушение требований статей 8, 19 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ суд первой инстанции возложил обязанность по проведению специальной оценки условий труда рабочего места прессовщика полуфабрикатов макаронных изделий на ФКУ КП-8 УФСИН России по ЧР. Однако функции по проведению специальной оценки условий труда не свойственны ответчику по настоящему гражданскому делу, поскольку исходя из своих целей, задач и видов деятельности ФКУ КП-8 УФСИН России по ЧР не является организацией, проводящей специальную оценку условий труда, и не отвечает требованиям, предъявляемым законом к таким специализированным организациям (они не имеют экспертов, их уставами

определены иные, отличные от организаций, непосредственно проводящих специальную оценку условий труда, цели и задачи).

Кроме того, как установлено судом, прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях обратился в суд с иском в интересах неопределенного круга лиц к ФКУ КП-8 УФСИН России по ЧР об обязанности провести специальную оценку условий труда рабочего места прессовщика полуфабрикатов макаронных изделий.

В соответствии с частью 1 статьи 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования.

Признавая право прокурора на обращение с указанным иском в интересах неопределенного круга лиц, суд первой инстанции исходил из невозможности достоверно определить круг лиц осужденных, а также сотрудников исправительного учреждения, которые фактически занимают определенную должность, и будут занимать в будущее время.

Однако, согласно представленной в материалы дела справке ФКУ КП-8 УФСИН России по ЧР, прессовщиками полуфабрикатов макаронных изделий участка по производству макарон с 1 января 2021 года по 26 августа 2021 года были трудоустроены следующие осужденные: А.И., 2000 г.р., период работы с 9 апреля 2021 года по 12 апреля 2021 года; П.А., 1982 г.р., период работы с 13 апреля 2021 года по настоящее время.

Таким образом, на момент обращения прокурора с настоящим иском, круг лиц, то есть осужденных, трудоустроенных прессовщиками полуфабрикатов макаронных изделий, рабочее место которых подлежит специальной оценке, определен, в то время как под неопределенным кругом лиц следует понимать такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела.

Кроме того, положения части 1 статьи 45 ГПК РФ во взаимосвязи с положениями статей 26, 27 и 35 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» не предполагают возможность произвольного решения прокурором вопроса об обращении в суд с заявлением в защиту прав, свобод и интересов граждан, – такое решение принимается им по результатам всесторонней проверки обращения гражданина. Часть 1 статьи 45 ГПК РФ предоставляет прокурору необходимые процессуальные гарантии реализации данного полномочия, закрепляя его право на обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан в установленных названной статьей случаях.

Европейским Судом по правам человека указывалось, что сторонами гражданского разбирательства являются истец и ответчик, имеющие равные права, включая право на юридическую помощь. Поддержка прокуратурой одной из сторон, несомненно, может быть оправданной при определенных обстоятельствах, например, для защиты прав уязвимых групп – детей, инвалидов и так далее, – которые считаются неспособными защитить свои интересы самостоятельно, или когда данным нарушением затронуты

многие граждане, или если требуют защиты государственные интересы (пункт 35 постановления Европейского Суда по правам человека от 15 января 2009 года по делу «Менчинская (Menchinskaya) против Российской Федерации»).

С учетом изложенных принципов участия в деле лиц, наделенных полномочиями от имени государства надзирать за соблюдением законности, суд, разрешая настоящий спор, должен был, исходя из положений части 1 статьи 45 ГПК РФ, установить полномочия прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях на обращение с иском в защиту прав конкретных осужденных.

Данное обстоятельство, являющееся юридически значимым для разрешения вопроса о наличии у прокурора права на обращение в суд с иском об обязанности к проведению специальной оценки условий труда рабочего места, судом первой инстанции не устанавливалось. Судом также не было принято во внимание, что в материалах дела отсутствуют заявления осужденных, трудоустроенных прессовщиками полуфабрикатов макаронных изделий, о нарушении их прав, в том числе в части охраны труда, снижения предоставляемых им со стороны работодателя льгот и гарантий, связанных с условиями труда.

При указанных обстоятельствах, у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для удовлетворения исковых требований прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях в интересах неопределенного круга лиц об обязанности ФКУ КП-8 УФСИН России по ЧР провести специальную оценку условий труда рабочего места прессовщика полуфабрикатов макаронных изделий.

*Апелляционное определение № 33-4695/2021
Алатырский районный суд Чувашской Республики*

3. Разрешение споров, возникающих из пенсионного законодательства.

Право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении.

Н.Е. обратился в суд с иском к УПФР в Чебоксарском районе об отмене решения пенсионного органа от 30 июля 2021 года и назначении социальной пенсии по случаю потери кормильца с 30 июля 2021 года.

Исковые требования мотивированы тем, что решением УПФР в Чебоксарском районе от 30 июля 2021 года Н.Е. отказано в установлении факта нахождения на иждивении умершего отца Е.В. и в назначении социальной пенсии по случаю потери кормильца в соответствии с пунктом 3 статьи 11 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации». С указанным решением истец не согласен, поскольку он является сыном Е.В., умершего 25 мая 2021 года, обучается по очной форме в университете со сроком обучения с 1 сентября 2020 года по 30 июня 2024 года. Также указал, что в основном он проживал вместе со своей матерью, отец жил с ними по соседству, до дня своей смерти отец постоянно поддерживал его материально. Поскольку он обратился в пенсионный орган с заявлением о назначении ему социальной пенсии по случаю потери кормильца на основании пункта 3 статьи 11 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», то в силу указанного закона факт установления нахождения его на иждивении умершего отца не требуется.

Разрешая заявленный спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что доказательства, имеющиеся в материалах дела, подтверждают факт нахождения истца на иждивении у отца, помощь которого являлась для него основным источником средств к существованию.

С указанными выводами суда первой инстанции судебная коллегия не согласилась по следующим основаниям.

Как установлено судом, истец Н.Е., 3 июля 2002 года рождения обратился в суд с заявлением о назначении ему социальной пенсии по случаю потери кормильца.

На основании пункта 3 части 1 статьи 11 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» право на социальную пенсию имеют постоянно проживающие в Российской Федерации дети в возрасте до 18 лет, а также старше этого возраста, обучающиеся по очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет, потерявшие одного или обоих родителей, и дети умершей одинокой матери.

Статьей 13 названного закона установлено, что при назначении пенсии по случаю потери кормильца по государственному пенсионному обеспечению применяются нормы Федерального закона «О страховых пенсиях», регулирующие порядок и условия назначения пенсии по случаю потери кормильца семьям безвестно отсутствующих лиц, усыновленным, усыновителям, пасынкам, падчерицам, отчимам, мачехам, порядок и условия признания члена семьи состоявшим на иждивении погибшего (умершего) кормильца и иные вопросы, связанные с пенсионным обеспечением членов семей умерших, если иные нормы не установлены настоящим Федеральным законом.

Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении (за исключением лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, повлекшее за собой смерть кормильца и установленное в судебном порядке).

Содержание понятия иждивенства закреплено в части 3 статьи 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». В соответствии с указанной нормой члены семьи умершего кормильца признаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию.

Таким образом, предметом судебной проверки является установление факта оказания Е.В. в период с 3 июля 2020 года по 24 мая 2021 года содержание своему сыну, которое являлось для него основным источником средств к существованию.

Согласно представленной в материалы дела выписке из лицевого счета застрахованного лица, Е.В. на дату смерти нигде не работал, сведения в пенсионный орган с 2018 года о трудовой деятельности умершего не поступали.

Из объяснений истца, показаний свидетеля Н.Е. следует, что Е.В. периодически ездил на заработки в г. Москва, работал без оформления трудовой книжки, после каждого приезда давал сыну денежные средства в размере от 10000 рублей до 20000 рублей.

В силу положений части 1 статьи 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов (часть 1 статьи 55 ГПК РФ).

Доход Е.В. ко дню его смерти и с момента достижения истцом совершеннолетия подлежал подтверждению соответствующими документами, так как при определении

того, являлась ли его помощь основным источником средств к существованию сына Н.Е., следует соотнести объем оказываемой Е.В. помощи и дохода матери истца Е.А.

Вместе с тем, объяснения истца и показания свидетеля Н.Е. о работе Е.В. и получении дохода являются неконкретными, поскольку никто не смог назвать организации, в которых работал умерший, а также размер полученного дохода. Таким образом, наличие у Е.В. в период с 3 июля 2020 года по 24 мая 2021 года дохода является недоказанным.

Доводы истца о том, что отец постоянно давал ему денежные средства, какими-либо доказательствами не подкреплены. Свидетельские показания матери истца Н.Е., пояснившей, что Е.В. при жизни обеспечивал сына всем необходимым, не подтверждают регулярность оказания помощи и не свидетельствуют о нахождении сына на полном содержании отца и об оказании ему материальной помощи, являвшейся для него постоянным и основным источником средств к существованию. Кроме того, из пояснений указанного свидетеля следует, что умерший более 15 лет с семьей не проживал, официально алименты на сына не платил, в последнее время болел, у него были проблемы с сердцем.

Вопреки доводам искового заявления, сам по себе факт родственных отношений, обучение истца по очной форме обучения не свидетельствуют о нахождении истца на иждивении отца.

При таких обстоятельствах судебная коллегия пришла к выводу, что убедительных и достоверных доказательств нахождения истца на иждивении отца не имеется, в связи с чем, у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для назначения Н.Е. пенсии по случаю потери кормильца.

*Апелляционное определение № 33-4911/2021
Чебоксарский районный суд Чувашской Республики*

После 01 января 1992 года пенсионное законодательство не предусматривает возможность включения в специальный стаж педагогической работы, учитываемой в целях назначения пенсии по старости на льготных условиях, работы в должности вожатых, старших пионерских вожатых.

Н.В. обратилась в суд с иском к ГУ – ОПФРФ в ЧР о включении в специальный стаж, дающий право на досрочную страховую пенсию лицам, осуществляющим педагогическую деятельность, периодов работы: с 1 октября 1993 года по 15 июня 1999 года, с 6 сентября 2000 года по 31 декабря 2000 года в должности старшей пионерской вожатой (за исключением отпуска по уходу за ребенком), признании права на досрочную страховую пенсию по старости в связи с осуществлением педагогической деятельности с 5 июля 2020 года.

Исковые требования мотивированы тем, что решением УПФР в г.Алатырь от 13 ноября 2020 года истцу отказано в назначении досрочной страховой пенсии по старости в соответствии с пунктом 19 части 1 статьи 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» в связи с отсутствием требуемого специального стажа, в специальный стаж не включены указанные выше периоды. Истец полагала данное решение незаконным, поскольку фактически в спорный период она осуществляла педагогическую деятельность, с 31 августа 1996 года по 31 декабря 1998 года, с 1 ноября 2000 года по 31 декабря 2000 года работала учителем географии по внутреннему совместительству. В спорные периоды истец получала заработную плату не только, как старшая пионерская вожатая, но и как учитель географии.

Решением районного суда исковые требования удовлетворены.

Разрешая заявленный спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что трудовая деятельность истца Н.В. в должности старшей пионерской вожатой началась с 1 сентября 1993 года, то есть до внесения изменений в

пенсионное законодательство, в связи с чем пришел к выводу, что истец имеет право на зачет периода работы в должности старшей пионерской вожатой с 1 октября 1993 года по 31 декабря 2000 года в специальный (педагогический) стаж в соответствии с действующим на момент поступления на должность Перечнем учреждений, организаций и должностей, работа в которых дает право на пенсию за выслугу лет, утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 года № 1397. Судом также учтено, что на день обращения в пенсионный орган истец выработала более 2/3 стажа, требуемого для назначения досрочной трудовой пенсии по старости в связи с педагогической деятельностью, в учреждениях, организациях и должностях, работа в которых дает право на такую пенсию, после 1 октября 1993 года истец продолжила работать пионервожатой, в связи с чем, предшествующий период работы в этой же должности включен в специальный стаж.

С указанными выводами суда первой инстанции судебная коллегия не согласилась по следующим основаниям.

Из записей в трудовой книжке истца по средней школе следует, что 1 сентября 1993 года Н.В. принята старшей пионерской вожатой в порядке перевода из ПУ № 3; 1 января 2001 года – переведена на должность учителя географии.

Согласно справке, выданной МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №2», Н.В., действительно с 1 сентября 1993 года принята старшей пионерской вожатой (приказ о приеме на работу № 29 от 30 августа 1993 года), учителем географии с 31 августа 1996 года по 31 декабря 1998 года, с 1 ноября 2000 года по 31 декабря 2000 года (приказ о внутреннем совместительстве № 23 от 31 августа 1996 года № 20 от 10 сентября 1997 года), с 1 января 2001 года (приказ о переводе на должность учителя географии № 1-к от 3 января 2001 года) по настоящее время (29 июня 2020 года) работает учителем географии в МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 2». В период работы с 1 сентября 1993 года по 29 июня 2020 года работала на 1 ставку.

Для определения права граждан на досрочную трудовую пенсию по старости в связи с осуществлением педагогической деятельности в учреждениях для детей подлежит применению Список должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в государственных и муниципальных учреждениях для детей, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2002 года №781.

В разделе «Наименование должностей» указанного Списка должность «старшая пионервожатая» отсутствует.

Не предусматривалась вышеназванная должность и действовавшими до 1 января 2002 года нормативными правовыми актами Списками: от 6 сентября 1991 года № 463 и от 22 сентября 1999 года № 1067.

Вместе с тем согласно пункту 2 Положения о порядке исчисления стажа для назначения пенсий за выслугу лет работникам просвещения и здравоохранения, утвержденного Постановлением Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 года № 1397, учителям и другим работникам просвещения работа в штатных должностях пионервожатых включалась в стаж работы по специальности.

Однако, Постановление Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 года № 1397 в соответствии с подпунктом «м» пункта 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 2014 года № 665 применяется для учета периодов педагогической деятельности, имевшей место до 01 января 1992 года.

С учетом анализа приведенных правовых норм судебная коллегия пришла к выводу, что законодательство, действовавшее до 01 января 1992 года, предусматривало зачет в специальный стаж педагогической деятельности работы в должности штатных пионервожатых. В то же время после 01 января 1992 года пенсионное законодательство, вопреки выводам суда и позиции истца, не предусматривает возможность включения в

специальный стаж педагогической работы, учитываемой в целях назначения пенсии по старости на льготных условиях, работы в должности вожатых, старших пионерских вожатых.

Принимая во внимание изложенное, судебная коллегия пришла к выводу, что периоды работы истца в должности старшей пионерской вожатой в средней школе № 2 с 1 октября 1993 года по 15 июня 1999 года, с 6 сентября 2000 года по 31 декабря 2000 года не могут быть включены в специальный стаж, дающий право на назначение досрочной трудовой пенсии по старости, поскольку указанные периоды имели место после 01 января 1992 года.

Что касается работы истца в должности старшей пионерской вожатой и одновременно учителем географии по внутреннему совместительству с 31 августа 1996 года по 31 декабря 1998 года, судебная коллегия отметила, что согласно Спискам, в том числе Списку, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2002 года № 781 в стаж, дающий право на досрочную страховую пенсию в связи с осуществлением педагогической деятельности засчитываются периоды работы в школах всех наименований в должностях, перечисленных в Списке. То есть условием применения данного Списка является занятие штатной должности.

Между тем, доказательств занятия истцом в спорный период штатной должности учителя не представлено. Само по себе наличие у истца в спорный период наряду с исполнением обязанностей старшей пионерской вожатой педагогической нагрузки по должности учитель географии без занятия штатной должности не дает ей право на включение этого периода в специальный стаж.

Указанная позиция подтверждена судебной практикой Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июля 2021 года по делу № 88-15099/2021, от 5 августа 2021 года по делу № 88-14442/2021.

Поскольку на дату обращения в пенсионный орган истец не имела 25 лет специального стажа, то у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для назначения ей досрочной страховой пенсии по старости.

*Апелляционное определение № 33-4150/2021
Алатырский районный суд Чувашской Республики*

Периоды работы медицинских работников, оказывающих в медицинских организациях и их структурных подразделениях медицинскую помощь пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 и подозрением на новую коронавирусную инфекцию COVID-19, засчитываются в стаж соответствующей работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в соответствии с пунктами 1, 2 и 20 части 1 статьи 30 Федерального закона "О страховых пенсиях", в следующем порядке: день работы медицинских работников по оказанию медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в стационарных условиях - как 2 дня.

Н.В. обратилась в суд с иском с учетом уточнений к ГУ – ОПФРФ по ЧР о признании незаконным решения от 14 января 2021 года в части отказа в назначении пенсии, обязанности включить в специальный стаж, дающий право на досрочное назначение пенсии по старости, периоды: с 1 января 2020 года по 30 сентября 2020 года в льготном исчислении как 2 дня за один день работы в качестве медицинской сестры-анестезиста в отделении анестезиологии-реанимации с палатами реанимации и интенсивной терапии для оказания медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в стационарных условиях БУ ЧР «Кугесьская районная больница» Министерства здравоохранения Чувашской Республики.

Исковые требования мотивированы тем, что решением УПФР в Чебоксарском районе от 14 января 2021 года истцу отказано в назначении досрочной страховой пенсии

по старости в связи с лечебной и иной деятельностью по охране здоровья населения в соответствии с пунктом 20 части 1 статьи 30 Федерального закона Российской Федерации от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», ввиду отсутствия требуемого специального стажа на дату обращения за пенсией и не наступления срока назначения пенсии в соответствии с частью 1.1 статьи 30 Федерального закона «О страховых пенсиях в Российской Федерации». С указанным решением истец не согласна, поскольку периоды ее работы были включены в специальный стаж работы не в соответствии с действующим законодательством. День работы медицинских работников по оказанию медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в стационарных условиях засчитывается в стаж соответствующей работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, как 2 дня. Справкой работодателя от 26 января 2021 года подтверждено, что истец с 1 апреля 2020 года по 9 ноября 2020 года была привлечена к работе в должности медицинской сестры-анестезиста в отделении анестезиологии-реанимации с палатами реанимации и интенсивной терапии для оказания медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией, 1 апреля 2020 года она дала согласие на привлечение ее к работе по оказанию медицинской помощи, направленной на профилактику, диагностику и лечение пациентов с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, дополнительным соглашением к трудовому договору были внесены изменения в ее трудовой договор.

Решением районного суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Разрешая заявленный спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что факт работы истца в период с 1 января 2020 года по 30 сентября 2020 года в качестве медицинской сестры-анестезиста в отделении анестезиологии-реанимации с палатами реанимации и интенсивной терапии для оказания медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в стационарных условиях БУ ЧР «Кугесьская районная больница» Министерства здравоохранения Чувашской Республики не установлен.

Между тем, судебная коллегия не согласилась с приведенным выводом суда первой инстанции, нашла его постановленным в отрыве от требований статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о всестороннем исследовании доказательств и их оценке в совокупности.

Пунктом 1 Постановления Правительства РФ от 6 августа 2020 года № 1191 "О порядке исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в соответствии с пунктами 1, 2 и 20 части 1 статьи 30 Федерального закона «О страховых пенсиях», медицинским работникам, оказывающим медицинскую помощь пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 и подозрением на новую коронавирусную инфекцию COVID-19" установлено, что периоды работы медицинских работников, оказывающих в медицинских организациях и их структурных подразделениях медицинскую помощь пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 и подозрением на новую коронавирусную инфекцию COVID-19, засчитываются в стаж соответствующей работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в соответствии с пунктами 1, 2 и 20 части 1 статьи 30 Федерального закона «О страховых пенсиях», в следующем порядке: день работы медицинских работников по оказанию медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в стационарных условиях - как 2 дня. В порядке, установленном данным постановлением, исчисляются периоды соответствующей работы, имевшей место с 1 января по 30 сентября 2020 года.

В материалы дела представлена справка от 26 января 2021 года, выданная БУ Чувашской Республики «Чебоксарская районная больница» Министерства здравоохранения Чувашской Республики из которой следует, что Н.В. с 1 апреля 2020 года по 9 ноября 2020 года была привлечена к работе в должности медицинской сестры-анестезиста в отделении анестезиологии-реанимации с палатами реанимации и

интенсивной терапии для оказания медицинской помощи, направленной на профилактику, диагностику и лечение новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Вместе с тем, указанная справка была признана лицом ее выдавшим необоснованной и аннулирована.

Согласно ответам от 5 ноября 2021 года БУ Чувашской Республики «Чебоксарская районная больница» Министерства здравоохранения Чувашской Республики на запрос судебной коллегии, Н.В. с 1 апреля 2020 по 9 ноября 2020 была привлечена к работе, связанной с оказанием медицинской помощи, направленной на профилактику, диагностику и лечение новой коронавирусной инфекции COVID-19, о чем свидетельствуют выплаты стимулирующего характера (с апреля по ноябрь 2020 года) за особые условия труда и дополнительную нагрузку, в связи с ее участием в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из группы риска заражения новой коронавирусной инфекцией. Справка от 26 января 2021 года была аннулирована, в связи с неимением подтверждающих документов, т.к. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 года № 415 вступило в силу 11 апреля 2020 года, после чего было составлено дополнительное соглашение к трудовому договору.

Как следует из материалов дела 1 апреля 2020 года Н.В. дала свое согласие на привлечение ее к работе по оказанию медицинской помощи, направленной на профилактику, диагностику и лечение новой коронавирусной инфекции COVID-19, а 28 апреля 2020 года подписала дополнительное соглашение к трудовому договору, предусматривающее выплаты стимулирующего характера работнику в случае его участия в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп заражения новой коронавирусной инфекцией. Выплаты стимулирующего характера (с апреля по ноябрь 2020 года) за особые условия труда и дополнительную нагрузку Н.В., в связи с ее участием в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из группы риска заражения новой коронавирусной инфекцией, получала.

Таким образом, представленными по делу доказательствами подтверждается, что истец осуществляла лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в должности медицинской сестры-анестезиста в отделении анестезиологии-реанимации с палатами реанимации и интенсивной терапии для оказания медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в стационарных условиях БУ ЧР «Кугесьская районная больница» Министерства здравоохранения Чувашской Республики с 1 апреля 2020 года по 30 сентября 2020 года, следовательно, указанный период подлежит зачету в специальный стаж истца в льготном исчислении 1 день работы как 2 дня в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 6 августа 2020 года № 1191.

При таких обстоятельствах решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении исковых требований Н.В. об обязанности включить в специальный стаж период работы с 1 апреля 2020 года по 30 сентября 2020 года в льготном исчислении как 2 дня за один день работы в качестве медицинской сестры-анестезиста в отделении анестезиологии-реанимации с палатами реанимации и интенсивной терапии для оказания медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в стационарных условиях БУ ЧР «Кугесьская районная больница» МЗ и СР ЧР отменено, с вынесением нового решения об удовлетворении исковых требований истца в данной части.

*Апелляционное определение № 33-4040/2021
Чебоксарский районный суд Чувашской Республики*

4. Разрешение споров, возникающих из обязательственных отношений.

В соответствии с пунктом 1 статьи 207 Гражданского кодекса Российской Федерации с истечением срока исковой давности по главному требованию считается истекшим срок исковой давности и по дополнительным требованиям (проценты, неустойка, залог, поручительство и т.п.), в том числе возникшим после истечения срока исковой давности по главному требованию.

ИП О.И. обратился в суд с иском к И.А. о взыскании задолженности по кредитному договору.

Как установлено судом первой инстанции, 25 сентября 2013 года между АКБ «Русский Славянский банк» (ЗАО) и И.А. на основании заявления-оферты последней был заключен кредитный договор, в соответствии с которым ответчику предоставлен кредит в размере 92 672 рублей на срок до 25 сентября 2018 года.

При этом в дело представлена не заверенная ксерокопия подписанного сторонами указанного выше заявления-оферты, однако факт заключения кредитного договора на указанных в нем условиях стороны не оспаривают, ответчик И.А. подтвердила факт заключения спорного договора и получения по нему денежных средств, кроме того, данный факт подтверждается совокупностью иных письменных доказательств, представленных обеими сторонами в материалы дела.

25 августа 2014 года между АКБ «Русский Славянский банк» (ЗАО) и ООО «ИКТ-ХОЛДИНГ» (переименованное с 1 сентября 2014 года в ООО «Финансовый советник») был заключен договор уступки прав требования (цессии).

В последующем ООО «Финансовый советник» в лице конкурсного управляющего С.В. на основании договора уступки права требования (цессии) от 29 октября 2019 года уступило ИП К.А. права (требования), принадлежащие cedentu по кредитным договорам, в том числе, по договору уступки требования (цессии).

20 ноября 2020 года между ИП К.А. (cedent) и ИП О.И. (цессионарий) был заключен договор уступки прав требований (цессии), по условиям которого cedent передает, а цессионарий принимает права требования по просроченным кредитам физических лиц в объеме и на условиях, существующих к моменту перехода прав (требований), в том числе, согласно приложению и выписке из реестра должников к договору уступки прав требования от 25 августа 2014 года по кредитному договору от 25 сентября 2013 года, заключенному с ответчиком.

Заемщиком допускались нарушения сроков внесения платежей по возврату кредита и уплате процентов, последний платеж по кредиту был произведен 25 декабря 2013 года. С указанного времени возникла непрерывная просроченная задолженность. Указанные обстоятельства подтверждаются представленным истцом расчетом и не оспариваются ответчиком.

Обращаясь с настоящим иском в суд, истец исключил из общего объема задолженности сумму задолженности по основному долгу за период до 25 декабря 2017 года, процентам и неустойке за период до 26 декабря 2017 года и просил взыскать задолженность в пределах трехлетнего срока исковой давности, а также проценты за период с 10 декабря 2020 года по день фактического погашения задолженности и неустойку.

Разрешая спор, суд первой инстанции, установив ненадлежащее исполнение ответчиком обязательств по кредитному договору, отсутствие доказательств погашения задолженности по кредиту, пришел к выводу об обоснованности требований истца с учетом срока исковой давности.

Отклоняя довод ответчика о применении срока исковой давности к заявленным требованиям, суд первой инстанции указал, что трехлетний срок исковой давности для предъявления требований о взыскании суммы основного долга не пропущен, поскольку сторонами договора был определен срок возврата кредита одномоментно – 25 сентября

2018 года, в связи с чем такой срок необходимо исчислять с 26 сентября 2018 года, а с настоящим иском в суд ИП О.И. обратился 9 декабря 2020 года.

Судебная коллегия с выводами суда первой инстанции не согласилась, поскольку они не соответствуют обстоятельствам дела, сделаны при неверном применении закона.

Согласно пункту 1 статьи 196 Гражданского кодекса Российской Федерации общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 названного кодекса.

В силу пункта 1 статьи 200 указанного выше кодекса, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

В соответствии с пунктом 2 статьи 811 Гражданского кодекса Российской Федерации, если договором займа предусмотрено возвращение займа по частям (в рассрочку), то при нарушении заемщиком срока, установленного для возврата очередной части займа, займодавец вправе потребовать досрочного возврата всей оставшейся суммы займа вместе с причитающимися процентами.

Как разъяснено в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 года, по смыслу указанной нормы, предъявление займодателем требования о досрочном возврате суммы займа не означает одностороннего расторжения договора, однако изменяет срок исполнения основного обязательства.

Установлено, что обязательства по кредитному договору И.А. прекратила исполнять с 25 декабря 2013 года, что следует из выписки по счету заемщика.

По условиям кредитного договора (пункт 3.2 Условий кредитования) Банк вправе потребовать от заемщика досрочного погашения кредита в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения заемщиком обязательств по погашению кредита и/или уплате процентов в соответствии с графиком. В указанных случаях заемщик обязан возвратить Банку всю сумму непогашенного кредита и уплатить проценты на эту сумму, начисленные на дату фактического возврата путем перечисления денежных средств на счет Банка, указанный в настоящих Условиях кредитования, в течение 10 календарных дней с даты направления соответствующего письменного требования Банка по адресам заемщика, указанным в его заявлении-оферте.

В дело было представлено письмо общества с ограниченной ответственностью «Национальная служба взыскания», действующего в интересах первоначального кредитора АКБ «Русский Славянский банк» (ЗАО) на основании агентского договора, датированное 26 июня 2014 года, о досрочном взыскании всей имеющейся суммы задолженности по кредитному договору от 25 сентября 2013 года, а именно в сумме 122 120 рублей 86 копеек, в течение 3 (трех) рабочих дней с момента получения этого требования. Данное требование согласно отметке на почтовом конверте получено ответчиком 8 июля 2014 года.

Названные документы – письмо от 26 июня 2014 года и конверт заверены судом первой инстанции, направление указанного требования истец в ходе рассмотрения дела не оспаривал.

Таким образом, правопредшественником истца 26 июня 2014 года реализовано право на истребование у ответчика досрочно всей суммы кредита и уплаты процентов, что соответствует условиям заключенного кредитного договора и положениям пункта 2 статьи 811 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Так как первоначальный кредитор АКБ «Русский Славянский банк» (ЗАО) до передачи права требования новому кредитору совершил распорядительные действия в виде истребования долга досрочно, тем самым изменив срок исполнения заемщиком обязательства по возврату основного долга и уплате процентов за пользование кредитом,

последствия этих действий в силу правопреемства распространяются на нового кредитора, в данном случае на истца.

Истец не ссылался на обстоятельства перерыва, приостановления течения срока исковой давности, таких доказательств суду не представлял, данных об обращении истца за выдачей судебного приказа в деле нет.

При таких обстоятельствах срок исковой давности по требованиям о взыскании основной суммы долга следует исчислять с момента неисполнения требования Банка о досрочном возврате всей суммы кредита.

В соответствии с пунктом 1 статьи 207 Гражданского кодекса Российской Федерации с истечением срока исковой давности по главному требованию считается истекшим срок исковой давности и по дополнительным требованиям (проценты, неустойка, залог, поручительство и т.п.), в том числе возникшим после истечения срока исковой давности по главному требованию.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», с истечением срока исковой давности по главному требованию считается истекшим срок исковой давности и по дополнительным требованиям (проценты, неустойка, залог, поручительство, требование о возмещении неполученных доходов при истечении срока исковой давности по требованию о возвращении неосновательного обогащения и т.п.), в том числе возникшим после начала течения срока исковой давности по главному требованию. Вместе с тем, если стороны договора займа (кредита) установили в договоре, что проценты, подлежащие уплате заемщиком на сумму займа в размере и в порядке, определяемых пунктом 1 статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации, уплачиваются позднее срока возврата основной суммы займа (кредита), срок исковой давности по требованию об уплате суммы таких процентов, начисленных до наступления срока возврата займа (кредита), исчисляется отдельно по этому обязательству и не зависит от истечения срока исковой давности по требованию о возврате основной суммы займа (кредита).

Из кредитного договора, заключенного с ответчиком, не следует, что уплата процентов производится по окончании срока действия кредитного договора, напротив, их уплата предусмотрена в сроки возврата части кредита (а при досрочном истребований кредита – вместе с суммой кредита).

Соответственно, начальный момент течения срока исковой давности, вопреки выводам суда первой инстанции, определяется не датой последнего платежа по кредиту, а датой наступления срока возврата суммы кредита досрочно.

Принимая во внимание, что в кредитном договоре указано на обязанность исполнить требование о досрочном погашении кредита в течение 10 календарных дней с даты направления соответствующего письменного требования Банка (то есть по требованию от 26 июня 2014 года данный срок истекает 7 июля 2014 года, учитывая, что 6 июля 2014 года – выходной день), а в требовании от 26 июня 2014 года указано на необходимость его исполнения в течение 3 рабочих дней со дня его получения (то есть по 11 июля 2014 года с учетом даты получения требования 8 июля 2014 года), то срок исполнения ответчиком обязательства по досрочному возврату кредита и уплате процентов истек 11 июля 2014 года с учетом разумного срока исполнения обязательства, а с 12 июля 2014 года началось течение трехлетнего срока исковой давности. Срок исковой давности истек 12 июля 2017 года.

Иск предъявлен в суд 9 декабря 2020 года, с пропуском срока исковой давности более 3 лет.

Таким образом, поскольку установлен факт досрочного востребования Банком всей суммы кредита, но не установлено обстоятельств прерывания и приостановления срока исковой давности по главному требованию о возврате суммы кредита, а также того, что

проценты подлежали уплате позднее срока возврата основной суммы займа (кредита), вывод суда о том, что срок исковой давности по требованию о взыскании суммы долга, процентам и неустойки, не истек, противоречит приведенным выше нормам материального права, разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации применительно к установленным обстоятельствам дела и правовой позиции, выраженной в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2019 года № 14-КГ18-62.

Обжалуемое решение отменено, с принятием по делу нового решения об отказе в удовлетворении иска в полном объеме.

*Апелляционное дело № 33-4460/2021
Ленинский районный суд г. Чебоксары*

5. Разрешение споров, возникающих из договорных отношений.

Взыскание не может быть обращено на заложенное движимое имущество, возмездно приобретенное у залогодателя лицом, которое не знало и не должно было знать о том, что приобретаемое им имущество является предметом залога.

Бремя опровержения презумпции добросовестности приобретателя, то есть доказывание того, что приобретатель знал или должен бы знать о залоге в момент совершения покупки, возлагается на залогодержателя.

З.В. предъявила иск к О.Н., А.Н. и С.А., указав, что 9 октября 2015 года заключила с А.Н. (продавцом) договор купли-продажи транспортного средства – автомобиля Toyota Corolla, в договоре было указано, что на момент совершения сделки транспортное средство не продано, не заложено, в споре и под обременением (арестом) не состоит, в реестре уведомлений о залоге движимого имущества сведения о передаче указанного автомобиля в залог отсутствовали, после уплаты покупной цены в размере 200 000 рублей А.Н. передал ей оригинал паспорта транспортного средства на автомобиль, и 10 октября 2015 года, обратившись в ГИБДД, она перерегистрировала приобретенный автомобиль на себя; 12 марта 2020 года судебный пристав-исполнитель наложил арест на ее автомобиль Toyota Corolla; в последующем ей стало известно, что приобретенный ею автомобиль на основании договора, заключенного 17 мая 2014 года О.Н., находится в залоге у займодавца КПКГ «Капитал», в связи с ненадлежащим исполнением заемщиком условий договора займа в январе 2016 года ООО «КА «ФинансКоллектор» обратился в суд с иском к О.Н. о взыскании задолженности по договору займа и обращении взыскания на заложенное имущество (спорный автомобиль), решением суда от 5 июня 2017 года иск удовлетворен частично, постановлено обратить взыскание на заложенный автомобиль; в соответствии с постановлением судебного пристава-исполнителя правопреемником взыскателя по исполнительному производству является С.А.; З.В. является добросовестным приобретателем, поскольку на момент совершения сделки не знала и не могла знать, что приобретаемый автомобиль находится в залоге.

Просила признать ее добросовестным приобретателем автомобиля Toyota Corolla, прекратить залог в отношении указанного автомобиля и снять с него арест.

Решением районного суда года в удовлетворении иска З.В. отказано.

Принимая решение об отказе в удовлетворении иска З.В., суд первой инстанции указал, что имеется вступившее в законную силу решение суда об обращении взыскания на спорный автомобиль в пользу другого лица, что согласно статьям 61, 209 ГПК РФ не позволяет признать З.В. добросовестным приобретателем, кроме того, З.В. не представила доказательств, что она не знала и не могла знать о том, что автомобиль является предметом залога, то есть не доказала свою добросовестность при покупке автомобиля на основании дубликата ПТС, и сама сделка купли-продажи от 9 октября 2015 года является

ничтожной в силу статьи 169 ГК РФ как совершенная с целью незаконного освобождения автомобиля от залога.

Судебная коллегия с такими выводами суда не согласилась.

Вопреки мнению суда первой инстанции, существование решения суда не препятствует удовлетворению иска З.В., поскольку из этого решения и апелляционного определения не следует, что З.В. участвовала в том гражданском деле, и что поставленные ею в настоящем гражданском деле вопросы были предметом обсуждения судов первой и апелляционной инстанций при разрешении требования об обращении взыскания на спорный автомобиль.

По смыслу части 2 статьи 442 ГПК РФ и части 1 статьи 119 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», при наложении ареста в порядке исполнения исполнительных документов на имущество, не принадлежащее должнику, собственник имущества вправе обратиться в суд с требованием об освобождении имущества от ареста. Заявленный лицами, не принимавшими участия в деле, спор, связанный с принадлежностью имущества, на которое обращено взыскание, рассматривается судом по правилам искового производства.

Иск З.В. об освобождении автомобиля от ареста может быть удовлетворен, если залог автомобиля прекратился в связи тем, что она является добросовестным приобретателем.

Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации в пункте 1 постановления Пленума от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», добросовестным поведением является поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны.

Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (пункт 5 статьи 10 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 25 постановления Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 года № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости, не может быть обращено взыскание на заложенное движимое имущество, возмездно приобретенное у залогодателя лицом, которое не знало и не должно было знать о том, что приобретаемое им имущество является предметом залога. При этом суды должны оценивать обстоятельства приобретения заложенного имущества, исходя из которых покупатель должен был предположить, что он приобретает имущество, находящееся в залоге. В частности, суды должны установить, был ли вручен приобретателю первоначальный экземпляр документа, свидетельствующего о праве продавца на продаваемое имущество (например, паспорт транспортного средства), либо его дубликат; имелись ли на заложенном имуществе в момент его передачи приобретателю знаки о залоге.

В статье 56 ГПК РФ закреплено, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела и какой стороне надлежит их доказывать.

Исходя из этой нормы, бремя опровержения презумпции добросовестности приобретателя, то есть доказывание того, что приобретатель знал или должен бы знать о залоге в момент совершения покупки, возлагается на залогодержателя.

Судом первой инстанции бремя доказывания было распределено неправильно и полностью возложено на З.В., которая не может подтвердить свое незнание о залоге иначе как тем, что в договоре купли-продажи продавцом гарантировано, что автомобиль никому не продан, не заложен, в споре и под арестом не состоит.

С целью защиты прав и законных интересов залогодержателя как кредитора по обеспеченному залогом обязательству в абзаце 1 пункта 4 статьи 339.1 ГК РФ введено

правовое регулирование, предусматривающее учет залога движимого имущества путем регистрации уведомлений о его залоге в реестре уведомлений о залоге движимого имущества единой информационной системы нотариата и определяющее порядок ведения указанного реестра.

Согласно статье 34.4 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1 Федеральная нотариальная палата обеспечивает с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» ежедневно и круглосуточно свободный и прямой доступ неограниченного круга лиц без взимания платы к следующим сведениям, содержащимся в единой информационной системе нотариата, а именно, к сведениям реестра уведомлений о залоге движимого имущества.

Открытая часть реестра уведомлений о залогах движимого имущества расположена по адресу: www.reestr-zalogov.ru.

Согласно абзацу 3 пункта 4 статьи 339.1 ГК РФ залогодержатель в отношениях с третьими лицами вправе сослаться на принадлежащее ему право залога только с момента совершения записи об учете залога, за исключением случаев, если третье лицо знало или должно было знать о существовании залога ранее этого.

Таким образом, регистрация уведомлений о залоге является своего рода знаком о залоге, и отсутствие данных об обременении в реестре уведомлений о залоге движимого имущества с 1 июля 2014 года (дата начала действия указанного реестра) может являться подтверждением добросовестности покупателя.

По состоянию на 30 ноября 2021 года сведений о залоге в отношении автомобиля в реестре не имеется.

Это означает, что никто из последовательных залогодержателей автомобиля в период с 1 июля 2014 года по 9 октября 2015 года и далее правом на уведомление о залоге третьих лиц не воспользовался, и то обстоятельство, что З.В. до заключения договора купли-продажи автомобиля за получением сведений из реестра не обращалась, о ее недобросовестности свидетельствовать не может, поскольку, в любом случае, узнать о залоге автомобиля из реестра она не смогла бы.

*Апелляционное определение № 33-4892/2021
Батыревский районный суд Чувашской Республики*

6. Рассмотрение споров, возникающих вследствие причинения вреда.

Владельцы транспортных средств, риск ответственности которых не застрахован в форме обязательного и (или) добровольного страхования, возмещают вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в соответствии с гражданским законодательством.

В.В. обратился в суд с иском к Т.С. и А.С. о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

Судом установлено, что 1 января 2020 года произошло дорожно-транспортное происшествие с участием принадлежащего истцу и под его управлением автомобиля FORD KUGA и автомобиля Лада Приора под управлением Т.С., которая в связи с несоблюдением дистанции до движущегося впереди транспортного средства совершила столкновение с автомобилем истца, в результате чего автомобиль FORD KUGA получил механические повреждения, а истцу причинен материальный ущерб.

Постановлением по делу об административном правонарушении от 1 января 2020 года Т.С. признана виновной в указанном дорожно-транспортном происшествии в связи с нарушением пункта 9.10 Правил дорожного движения Российской Федерации.

Судом также установлено, что на основании договора купли-продажи автомобиля от 31 декабря 2019 года А.С. купил у Е.В. автомобиль Лада Приора за 160 000 рублей. В

договоре указано, что Е.В. деньги получила и транспортное средство передала, а А.С. деньги передал и транспортное средство получил.

По сведениям ГИБДД МВД по Чувашской Республике 8 июля 2015 года была внесена регистрационная запись о Е.В. как собственнике автомобиля Лада Приора; 14 января 2020 года внесена запись о прекращении регистрации Е.В. как собственнике данного автомобиля в связи с продажей другому лицу; 15 мая 2020 года внесена регистрационная запись о О.А. как собственнике данного автомобиля.

Судом первой инстанции установлено, что автогражданская ответственность истца на момент дорожно-транспортного происшествия была застрахована в АО «Страховая бизнес группа»; гражданская ответственность виновника дорожно-транспортного происшествия Т.С. и собственника автомобиля А.С. на момент дорожно-транспортного происшествия в соответствии с Федеральным законом от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» застрахована не была.

Разрешая спор и возлагая ответственность за причиненный истцу в результате дорожно-транспортного происшествия материальный ущерб в солидарном порядке на ответчиков Т.С. и А.С., суд первой инстанции исходил из того, что ответчики солидарно отвечают за причиненный ущерб перед истцом; гражданская ответственность владельца транспортного средства А.С. на момент дорожно-транспортного происшествия застрахована не была. Учитывая, что в связи с назначением по делу повторной автотехнической экспертизы от эксперта ФБУ Чувашская ЛСЭ Минюста России поступило сообщение о невозможности дать заключение по поставленным вопросам, то есть экспертным путем не удалось установить причиненный истцу материальный ущерб, при этом размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности, принимая во внимание положения статьи 7 Федерального закона от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» о пределе страховой суммы в размере 400 000 рублей, суд первой инстанции пришел к выводу о взыскании с ответчиков в солидарном порядке в пользу истца материального ущерба в размере 375 400 рублей.

Судебная коллегия не согласилась с приведенными выводами суда первой инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 6 статьи 4 Федерального закона от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» предусмотрено, что владельцы транспортных средств, риск ответственности которых не застрахован в форме обязательного и (или) добровольного страхования, возмещают вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в соответствии с гражданским законодательством, то есть в порядке главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Согласно статье 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 настоящего Кодекса.

Обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (на праве аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т.п.) (пункт 1).

Владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный этим источником, если докажет, что источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц. Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в таких случаях несут лица, противоправно завладевшие источником. При наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности (пункт 2).

Из указанных правовых норм следует, что гражданско-правовой риск возникновения вредных последствий при использовании источника повышенной опасности возлагается на его собственника и при отсутствии его вины в непосредственном причинении вреда, как на лицо, несущее бремя содержания принадлежащего ему имущества.

Таким образом, собственник источника повышенной опасности несет обязанность по возмещению причиненного этим источником вреда, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего, либо, что источник повышенной опасности выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц или был передан иному лицу в установленном законом порядке.

Предусмотренный статьей 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации перечень законных оснований владения источником повышенной опасности и документов, их подтверждающих, не является исчерпывающим, но любое из таких оснований требует соответствующего юридического оформления (заключение договора, выдача доверенности на право управления транспортным средством, внесение в страховой полис лица, допущенного к управлению транспортным средством, и т.п.).

Факт передачи собственником транспортного средства другому лицу права управления им, в том числе с передачей ключей и регистрационных документов на автомобиль другому лицу, подтверждает лишь волеизъявление собственника на передачу данного имущества в пользование и не свидетельствует о передаче права владения имуществом в установленном законом порядке, поскольку такое использование не лишает собственника имущества права владения им, а, следовательно, не освобождает от обязанности по возмещению вреда, причиненного этим источником повышенной опасности.

Разрешая настоящий спор и возлагая ответственность за причиненный вследствие дорожно-транспортного происшествия вред на Т.С., суд первой инстанции исходил из того, что в момент причинения ущерба она управляла транспортным средством и именно по ее вине автомобилю истца были причинены механические повреждения.

Между тем, сам по себе факт управления Т.С. автомобилем на момент исследуемого дорожно-транспортного происшествия не может свидетельствовать о том, что именно водитель Т.С. являлась владельцем источника повышенной опасности в смысле, придаваемом данному понятию в статье 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Из анализа положений статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что субъектом ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности является лицо, которое не только использовало источник повышенной опасности на момент причинения вреда, но и обладало гражданско-правовыми полномочиями по владению соответствующим источником повышенной опасности.

Следовательно, для возложения на лицо обязанности по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности, необходимо установление его юридического и фактического владения источником повышенной опасности. Собственник источника повышенной опасности освобождается от ответственности, если тот передан в техническое управление иного лица с надлежащим юридическим оформлением.

Между тем, сведений о том, что автомобиль был передан собственником А.С. в техническое управление Т.С. с надлежащим юридическим оформлением, в деле не имеется.

С учетом изложенного в рассматриваемом случае законным владельцем автомобиля Лада Приора на момент дорожно-транспортного происшествия будет являться собственник А.С., не представивший доказательств надлежащей передачи права владения Т.С. и не заявивший о выбытии автомобиля из его владения в результате чьих-либо противоправных действий.

В этой связи ответственность за материальный ущерб, причиненный в результате использования Т.С. принадлежащего А.С. автомобиля Лада Приора, в полном объеме должна быть возложена на А.С., а не в солидарном порядке вместе с Т.С., поэтому не соответствующее нормам материального права решение суда первой инстанции отменено с принятием нового решения.

*Апелляционное дело № 33-4754/2021
Красноармейский районный суд Чувашской Республики*

7. Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений.

Бесплатная передача земельного участка одному из супругов во время брака в собственность на основании акта органа местного самоуправления не может являться основанием его отнесения к личной собственности этого супруга.

Г.И., обратившись в суд с иском к Е.Я., указал, что его отец И.С. с 8 июля 1993 года состоял в браке с ответчиком Е.Я., 20 июля 2020 года его отец умер, после чего открылось наследство, состоящее из жилого дома и земельного участка, а также денежных вкладов в банке; наследниками И.С. первой очереди по закону, кроме истца, являются также его второй сын В.И. и пережившая супруга Е.Я., все они приняли наследство путем обращения к нотариусу, а Е.Я. обратилась к нотариусу также с заявлением о выдаче свидетельства о праве собственности на $\frac{1}{2}$ долю имущества, нажитого в браке с наследодателем, а именно вышеуказанных жилого дома, земельного участка и прав на денежные средства с причитающимися процентами без завещательных распоряжений, внесенные наследодателем во вклады; между тем, спорный земельный участок был предоставлен его отцу И.С. до заключения брака с Е.Я. для строительства жилого дома, что свидетельствует о возникновении права собственности наследодателя на спорный земельный участок до брака с ответчиком, а спорный жилой дом согласно сведениям из ЕГРН был завершен строительством в 1977 году, то есть не мог быть приобретен ответчиком в совместном браке с наследодателем И.С., которому он принадлежал на праве личной собственности до брака с ответчиком.

На основании изложенного Г.И. просил исключить $\frac{1}{2}$ долю в праве на земельный участок и $\frac{1}{2}$ долю в праве на жилой дом из состава совместно нажитого имущества супругов И.С. и Е.Я.

Решением районного суда иск Г.И. удовлетворен в полном объеме.

Принимая решение об удовлетворении иска Г.И., суд первой инстанции исходил из того, что спорный земельный участок был предоставлен И.С. под строительство в 1975 году, на данном земельном участке в 1977 году он возвел жилой дом, который был зарегистрирован в похозяйственной книге до введения в действие Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое

имущество и сделок с ним», в соответствии с абзацем 2 пункта 9.1 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» предоставленный И.С. земельный участок считался предоставленным на праве собственности, и постановлением главы Комсомольской сельской администрации от 20 января 2000 года ранее возникшее право собственности было лишь закреплено (подтверждено), а доводы ответчика о существенном увеличении стоимости жилого дома за счет общих супружеских средств не подтверждены относимыми и допустимыми доказательствами.

С такими выводами судебная коллегия согласилась лишь частично.

По земельному кодексу РСФСР 1970 года земля находилась в исключительной собственности государства и предоставлялась только в пользование.

23 ноября 1990 года постановлением Верховного Совета РСФСР был введен в действие Закон РСФСР «О земельной реформе», которым монополия государства на землю была отменена.

Согласно статьям 30, 31 Земельного кодекса РСФСР от 25 апреля 1991 года, применявшегося на территории Чувашской Республики с 15 февраля 1992 года, при передаче всего земельного участка в собственность бесплатно решение Совета народных депутатов являлось основанием для отвода земельного участка в натуре и выдачи документов, удостоверяющих право собственности на землю, право собственности на землю удостоверялось государственным актом, который выдавался и регистрировался соответствующим Советом народных депутатов.

В соответствии со статьями 51, 60 и 71 Закона Чувашской ССР «О местном самоуправлении в Чувашской ССР» главы поселковой, сельской, районной и городской администрации имели право распоряжения землей в пределах компетенции соответствующих местных Советов народных депутатов, предусмотренных земельным кодексом РСФСР (пункт 5 Постановления Верховного Совета ЧР от 15 февраля 1992 года "О порядке применения Земельного кодекса РСФСР на территории Чувашской Республики").

Изложенное означает, что по приказу откормсовхоза «Комсомольский» №46 от 17 октября 1975 года или автоматически в 1990 году с введением в действие Закона РСФСР «О земельной реформе» право собственности на землю у И.С. возникнуть не могло, для этого требовался акт органа государственной власти или местного самоуправления.

Согласно пункту 9.1 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (пункт 9.1 введен Федеральным законом от 30 июня 2006 года № 93-ФЗ), если земельный участок предоставлен гражданину до введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства на праве пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования, этот гражданин вправе зарегистрировать право собственности на такой земельный участок, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом такой земельный участок не может предоставляться в частную собственность (абзац 1).

В случае, если в акте, свидетельстве или другом документе, устанавливающих или удостоверяющих право гражданина на земельный участок, предоставленный ему до введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства, не указано право, на котором предоставлен такой земельный участок, или невозможно определить вид этого права, такой земельный участок считается предоставленным указанному гражданину на праве собственности, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом такой земельный участок не может предоставляться в частную собственность (абзац 2).

Государственная регистрация прав собственности на указанные в настоящем пункте земельные участки осуществляется в соответствии со статьей 25.2 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Принятие решений о предоставлении таких земельных участков в собственность граждан не требуется (абзац 3).

В соответствии с подпунктами 1, 2 статьи 25.2 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (в ред. Федерального закона от 30.06.2006 N 93-ФЗ) государственная регистрация права собственности гражданина на земельный участок, предоставленный до введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства на праве собственности, пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования либо если в акте, свидетельстве или другом документе, устанавливающих или удостоверяющих право гражданина на данный земельный участок, не указано право, на котором предоставлен такой земельный участок, или невозможно определить вид этого права, осуществляется с учетом особенностей, установленных настоящей статьей.

Основанием для государственной регистрации права собственности гражданина на указанный в пункте 1 настоящей статьи земельный участок следующий документ: акт о предоставлении такому гражданину данного земельного участка, изданный органом государственной власти или органом местного самоуправления в пределах его компетенции и в порядке, установленном законодательством, действовавшим в месте издания такого акта на момент его издания; акт (свидетельство) о праве такого гражданина на данный земельный участок, выданный уполномоченным органом государственной власти в порядке, установленном законодательством, действовавшим в месте издания такого акта на момент его издания; выдаваемая органом местного самоуправления выписка из похозяйственной книги о наличии у такого гражданина права на данный земельный участок (в случае, если этот земельный участок предоставлен для ведения личного подсобного хозяйства); иной документ, устанавливающий или удостоверяющий право такого гражданина на данный земельный участок.

Исходя из общего смысла приведенных законоположений, в абзаце 2 пункта 9.1 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ речь идет об актах, свидетельствах или других документах, устанавливающих или удостоверяющих право (без указания самого вида права) гражданина на земельный участок, предоставленный ему до введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации, принятых после того, как право собственности на землю у гражданина могло возникнуть в принципе, то есть после начала в 1990 году земельной реформы, коим приказ откормсовхоза «Комсомольский» №46 от 17 октября 1975 года не является.

Поскольку земельный участок И.С. на праве пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования не предоставлялся, а решение (постановление) о закреплении за ним этого земельного участка в собственность для содержания и обслуживания жилого дома впервые было принято главой Комсомольской сельской администрации 20 января 2000 года, и именно на основании этого постановления И.С. в 2008 году в порядке статьи 25.2 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ зарегистрировал право собственности на тот земельный участок, вывод суда первой инстанции о наличии у И.С. права собственности на землю до брака с Е.Я. является ошибочным.

В соответствии с подпунктами 1, 2 пункта 1 статьи 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают в том числе из договоров или иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему, а также из актов государственных органов и органов местного

самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей.

Таким образом, законодатель разграничивает в качестве оснований возникновения гражданских прав и обязанностей договоры (сделки) и акты государственных органов, органов местного самоуправления и не относит последние к безвозмездным сделкам. Бесплатная передача земельного участка одному из супругов во время брака в собственность на основании акта органа местного самоуправления не может являться основанием его отнесения к личной собственности этого супруга.

Право собственности у И.С. на спорный земельный участок возникло в период брака и не по безвозмездной сделке, потому оснований для отнесения данного имущества к личной собственности И.С. не имеется.

Однако, возникновение у Е.Я. в период брака с И.С. на основании акта органа местного самоуправления права на $\frac{1}{2}$ супружескую долю в праве собственности на спорный земельный участок, не влечет возникновения у нее доли в праве собственности на личный жилой дом И.С., так как статья 35 ЗК РФ и статья 273 ГК РФ относятся к случаям отчуждения зданий и сооружений, чего в данном деле не было.

Поэтому обжалуемое решение суда судебной коллегией отменено только в части исключения $\frac{1}{2}$ доли в праве на земельный участок с кадастровым номером из состава общего имущества супругов И.С. и Е.Я. и принято новое решение об отказе в удовлетворении требований в этой части.

*Апелляционное определение № 33-4257/2021
Яльчикский районный суд Чувашской Республики*

8. Рассмотрение споров, связанных с исполнением решения.

Обращение взыскания на земельный участок невозможно без решения вопроса о судьбе находящегося на нем объекта недвижимости.

Судебный пристав-исполнитель обратился в суд с иском к ООО «Компания «СНЕГ» об обращении взыскания на земельный участок, принадлежащий на праве собственности ООО «Компания «СНЕГ», назначение объекта: для содержания и эксплуатации железнодорожного пути.

Исковые требования мотивированы тем, что на исполнении у судебного пристава-исполнителя находится сводное исполнительное производство, возбужденное в отношении ООО «Компания «Снег» в пользу ряда взыскателей на общую сумму задолженности в размере 25 347 367,73 рублей. Требования исполнительных документов должником не исполнены. Денежные средства на счет Межрайонного отделения судебных приставов по исполнению особых исполнительных производств УФССП России по Чувашской Республике не поступают в связи с отсутствием их на расчетных счетах должника. В целях исполнения требований исполнительных документов истец просит обратить взыскание на вышеуказанный земельный участок, принадлежащий на праве собственности ответчику.

Решением районного суда исковые требования удовлетворены.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, исходил из того, что требования исполнительного документа ответчиком не исполнены, задолженность не погашена, в составе сводного исполнительного производства наложены аресты также на иное имущество, но их стоимость недостаточна для полного погашения требований всех кредиторов. При этом суд также исходил из того, что на объект недвижимости, расположенный на спорном земельном участке, как следует из пояснений судебного пристава-исполнителя, наложен арест, и его реализация будет осуществляться судебным приставом-исполнителем по правилам Закона об исполнительном производстве

вместе с земельным участком после вступления в законную силу решения суда по настоящему делу.

Отменяя решение суда первой инстанции, судебная коллегия исходит из следующего.

В соответствии с подпунктом 5 пункта 1 статьи 1 ЗК РФ одним из основных принципов земельного законодательства является принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов.

Согласно пункту 4 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации отчуждение здания, строения, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, за исключением указанных в нем случаев, проводится вместе с земельным участком. Отчуждение земельного участка без находящихся на нем здания, строения, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу, не допускается.

Судебной коллегией установлено, что земельный участок имеет назначение: для содержания и эксплуатации железнодорожного пути.

Согласно выписке из ЕГРН следует, что на указанном земельном участке расположено поставленное на кадастровый учет сооружение «железнодорожный путь». Право собственности на указанный железнодорожный путь зарегистрировано в качестве объекта недвижимости в ЕГРН за ООО «Компания «СНЕГ». Кадастровая стоимость указанного сооружения определена в размере 3416660 рублей.

С учетом установленных по делу обстоятельств, поскольку земельный участок сформирован именно для содержания и эксплуатации железнодорожного пути, зарегистрированного в ЕГРН в качестве объекта недвижимости, в процессе эксплуатации находящегося в пользовании третьих лиц, обращение взыскания на земельный участок невозможно без решения вопроса о судьбе находящегося на нем объекта недвижимости – железнодорожного пути. Железнодорожный путь является неотъемлемой частью общей системы железнодорожной ветки, соответственно находится также в пользовании третьих лиц.

В рассматриваемом случае, исходя из специфического характера объекта недвижимости «железнодорожный путь», являющегося составной частью общей железнодорожной ветки, требуется единый судебный порядок обращения взыскания на земельный участок, сформированный для содержания и эксплуатации железнодорожного пути, и расположенное на нем сооружение одновременно.

Более того, из материалов дела следует, что иск судебного пристава об обращении взыскания только на земельный участок без сооружения был обусловлен тем, что по позиции судебного пристава «железнодорожный путь» не был зарегистрирован в качестве объекта недвижимости.

Учитывая вышеизложенное, судебная коллегия пришла к выводу о необходимости отмены решения районного суда с принятием по делу нового решения об отказе в удовлетворении исковых требований судебного пристава-исполнителя к ООО «Компания «СНЕГ» об обращении взыскания на земельный участок отдельно без отчуждения расположенного на нем сооружения «железнодорожный путь».

Апелляционное дело № 33-3744/2021

Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики

9. Процессуальные вопросы.

Неправильное определение в исковом заявлении государственного органа, выступающего от имени Российской Федерации, не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения, оставления без движения.

А.В. обратился в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации о взыскании расходов в размере 20 000 рублей, понесенных им в связи с незаконным привлечением к административной ответственности по части 3 статьи 12.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях на основании постановления инспектора по ИАЗ ОБ ДПС ГИБДД УМВД России по г. Чебоксары.

Возвращая исковое заявление на основании пункта 2 части 1 статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, судья суда первой инстанции руководствовался положениями статьи 28 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и исходил из того, что поскольку ответчик Министерство финансов Российской Федерации находится в г. Москве, что не относится к юрисдикции Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики, то исковое заявление не подсудно данному суду.

Суд апелляционной инстанции не согласился с приведенным выводом судьи суда первой инстанции.

В статье 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации указано, что по искам о возмещении вреда, причиненного физическому лицу или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, по ведомственной принадлежности, в том числе в результате издания актов органов государственной власти, органов местного самоуправления, не соответствующих закону или иному правовому акту от имени казны Российской Федерации выступает главный распорядитель средств федерального бюджета по ведомственной принадлежности.

В соответствии с подпунктом 100 пункта 11 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699, МВД России осуществляет функции главного распорядителя и получателя средств федерального бюджета, а также бюджетные полномочия главного администратора доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, администратора источников финансирования дефицита федерального бюджета.

В соответствии с пунктами 2 и 3 Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699, территориальными органами МВД России на региональном уровне являются министерства внутренних дел по республикам, главные управления, управления МВД России по иным субъектам Российской Федерации, которые входят в состав органов внутренних дел Российской Федерации и подчиняются МВД России.

Согласно пункту 2 Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне, утвержденного приказом МВД России от 5 июня 2017 года № 355, территориальными органами МВД России на районном уровне, на которые распространяется действие настоящего Типового положения, являются управления, отделы, отделения МВД России по районам, городам и иным муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, управления, отделы, отделения МВД России на части территорий административных центров субъектов Российской Федерации, управления, отделы, отделения МВД России по закрытым административно-территориальным образованиям, на особо важных и режимных объектах.

В пункте 4 Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне, утвержденного приказом МВД России от 5 июня 2017 года № 355, указано, что территориальный орган входит в состав органов внутренних дел, подчиняется соответствующему министерству внутренних дел по республике, главному управлению, управлению МВД России по иному субъекту Российской Федерации и осуществляет свою деятельность в пределах границ

соответствующего муниципального образования (нескольких муниципальных образований), части территории административного центра субъекта Российской Федерации, особо важного и режимного объекта согласно утвержденным Министром внутренних дел Российской Федерации схемам размещения территориальных органов.

В пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 года № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» разъяснено, что если орган государственной власти, уполномоченный на основании подпункта 1 пункта 3 статьи 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации отвечать в судах от имени Российской Федерации по искам о возмещении вреда в порядке, предусмотренном статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, имеет территориальные органы с правами юридического лица и вред причинен гражданину или юридическому лицу действиями (бездействием) должностных лиц такого территориального органа, то иск к Российской Федерации в лице главного распорядителя бюджетных средств о возмещении вреда подлежит рассмотрению в суде по месту нахождения его территориального органа, действиями должностных лиц которого причинен вред (статья 28 ГПК РФ, статья 35 АПК РФ), если иное не предусмотрено законодательством. При этом в любом случае выступать от имени Российской Федерации в суде будет федеральный орган государственной власти. Судам следует привлекать к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора и выступающего на стороне ответчика, территориальный орган, действиями должностных лиц которого причинен вред истцу (статья 43 ГПК РФ, статья 51 АПК РФ).

В пункте 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 года № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» разъяснено, что неправильное определение в исковом заявлении государственного органа, выступающего от имени Российской Федерации, не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения, оставления без движения. Суд при подготовке дела к судебному разбирательству определяет в судебном акте ответчиком Российскую Федерацию в лице надлежащего федерального органа государственной власти, наделенного полномочиями выступать от имени Российской Федерации в суде.

В соответствии с пунктом 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 года № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» подготовка дел к судебному разбирательству является самостоятельной стадией гражданского процесса, имеющей целью обеспечить правильное и своевременное их рассмотрение и разрешение, и обязательна по каждому гражданскому делу (статья 147 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), задачами которой являются, в том числе разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса (абзац четвертый статьи 148 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Следовательно, при подготовке дела к судебному разбирательству суд обязан с учетом материально-правовых отношений, являющихся основанием иска, привлечь к участию в деле лиц, имеющих материально-правовой и (или) процессуально-правовой интерес в исходе дела.

Принимая во внимание, что требование о взыскании расходов мотивировано незаконным привлечением к административной ответственности на основании постановления инспектора по ИАЗ ОБ ДПС ГИБДД УМВД России по г. Чебоксары, то исходя из материально-правовых отношений судье суда первой инстанции следовало определить ответчиком Российскую Федерацию в лице надлежащего федерального органа

государственной власти, наделенного полномочиями выступать от имени Российской Федерации в суде. В данной ситуации таким надлежащим органом является МВД России как главный распорядитель бюджетных средств от имени Российской Федерации. Поскольку МВД по Чувашской Республике и УМВД России по г. Чебоксары, являющиеся территориальными органами МВД России, находятся на территории, отнесенной к подсудности Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики, то правовых оснований для возвращения иска А.В. не имелось.

При этом неправильное указание в исковом заявлении в качестве ответчика Министерства финансов Российской Федерации не могло служить основанием для возвращения искового заявления.

*Апелляционное дело № 33-4401/2021
Ленинский районный суд г. Чебоксары*

Если условие, определяющее территориальную подсудность дел, возникающих между спорящими сторонами, содержащееся в договоре, в установленном законом порядке не оспаривалось и является действительным, то это условие продолжает действовать и на день рассмотрения дела судом.

Е.В. обратился в суд с иском к акционерному обществу «АВТОАССИСТАНС», в котором просил признать договор, заключенный 25 марта 2021 года между ними, расторгнутым с 13 апреля 2021 года.

Требования мотивировал тем, что 25 марта 2021 года по договору потребительского кредита, заключенному между публичным акционерным обществом РОСБАНК – кредитором и ним – заемщиком, Е.В. получил кредит в размере 504302 рублей, в который без его согласия кредитор включил стоимость услуг в размере 120000 рублей, подлежащих уплате Обществу во исполнение условий вышеуказанного договора от 25 марта 2021 года, а впоследствии перечислил их ответчику.

В этот же день Е.В. получил от Общества сертификат, но его до настоящего времени не активировал, услугами ответчика не пользовался и в них не нуждался, заключать с ответчиком договор от 25 марта 2021 года не намеревался.

2 апреля 2021 года Е.В. направил ответчику заявление о досрочном расторжении договора и потребовал возвращения денежной суммы, уплаченной по этой сделке. Однако Общество от удовлетворения данных требований незаконно отказалось, тогда как законодательство, в том числе о защите прав потребителей, регулирующее спорные правоотношения, предоставляет ему право отказаться от договора оказания услуг в любое время, оплатив исполнителю фактически понесенные расходы, связанные с исполнением обязательств по этой сделке.

Судом первой инстанции исковые требования удовлетворены.

Разрешая спор, суд первой инстанции среди прочего исходил из того, что на спорные правоотношения распространяется законодательство о возмездном оказании услуг, в том числе нормы законодательства о защите прав потребителей о том, что потребитель вправе предъявить иск по месту своего жительства, что потребитель вправе отказаться от исполнения договора об оказании услуг в любое время при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, связанных с исполнением обязательств по данному договору.

Поскольку правом расторжения сделки в одностороннем порядке истец воспользовался, денежная сумма, уплаченная по соглашению от 25 марта 2021 года, является платежом за оказание услуг, а не опционной премией, но никаких услуг, оговоренных в нем (договоре), ответчик не оказал, то иск Е.В. следует удовлетворить.

Между тем, приняв к своему производству вышеуказанный иск, а впоследствии рассмотрев его по существу, суд первой инстанции не учел следующее.

В силу статьи 32 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации по соглашению между собой стороны могут изменить территориальную подсудность для данного дела до принятия его судом к своему производству. Подсудность, установленная статьями 26, 27 и 30 ГПК РФ, не может быть изменена соглашением сторон.

Таким образом, по смыслу указанной нормы договорная (добровольная) подсудность основана на соглашении сторон, которые вправе изменить установленную законом территориальную подсудность, и по обоюдному согласию выбрать суд, наиболее удобный для них. При этом соглашение о подсудности носит самостоятельный характер и не связан с конкретными лицами в обязательстве. Оно носит исключительно процессуальный характер и обязательно как для избранного в соглашении суда, так и для сторон, в том числе и при перемене лиц в обязательстве.

Что касается формы соглашения о подсудности, то в этой норме она не оговорена. Поэтому исходя из того, что процессуальный характер носят лишь последствия такого соглашения, договор об изменении территориальной подсудности может быть совершен в любом виде: либо как отдельное соглашение, заключенное между сторонами; либо как оговорка о подсудности, включенная отдельным пунктом в гражданско- правовой договор, оформленный в виде одного документа, подписанного сторонами; либо выражено в иных формах (в письмах, телеграммах, других документах), в которых явно выражено согласие на изменение территориальной подсудности дела, и из которых достоверно следует, что документ исходит от стороны.

Как установлено судом, 25 марта 2021 года Общество – компания и Е.В. – клиент подписали договор, поименованный соглашением о предоставлении опциона на заключение договора на условиях безотзывной оферты Правила АО «АВТОАССИСТАНС» «Пакет 060ЭГ». В соответствии с ним компания за плату в размере 120000 рублей предоставляет клиенту секундарное право своим односторонним волеизъявлением (акцептом) ввести в действие договор, условия которого отражены в настоящем опционе (в том числе приложении № 1 к соглашению), для чего направляет клиенту безотзывную оферту, условия которой приведены в Правилах АО «АВТОАССИСТАНС» «Пакет 060ЭГ», размещенных на сайте (приложение № 1 к соглашению).

Кроме того, стороны предусмотрели, что в соответствии со статьей 32 ГПК РФ судебные споры, связанные с этим соглашением и с обязательствами, вытекающими из него, подлежат разрешению в соответствующем суде города Москвы по месту нахождения компании (подпункт 4. 1 пункта 4 соглашения).

Следовательно, по спорным правоотношениям, подсудность по которым не определяется положениями статей 26, 27, 30 ГПК РФ, стороны настоящего дела добровольно изменили территориальную подсудность и это соглашение, включенное в договор в качестве его составной части, обязательно как для суда, так и для самих сторон.

Согласно статье 28, частей 2, 7, 10 статьи 29 ГПК РФ, пункту 2 статьи 17 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300- 1 « О защите прав потребителей» иски о защите прав потребителей, за исключением случаев, предусмотренных частью 4 статьи 30 ГПК РФ, по выбору истца могут быть предъявлены в суд либо по адресу организации- ответчика (ее филиала, представительства, если спор вытекает из их деятельности), либо по месту жительства или месту пребывания истца, либо по месту заключения или месту исполнения договора.

По смыслу данных норм, разъяснений, содержащихся в пункте 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», правовой позиции, изложенной в пункте 2 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденного 22 мая 2013 года Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, судья не вправе возвратить исковое заявление со ссылкой на пункт 2 части 1 статьи 135 ГПК РФ, если оно

подано потребителем в суд согласно условию соглашения о подсудности, заключенного сторонами.

Вместе с тем, если в иске потребитель оспаривает условие сделки об изменении территориальной подсудности споров, судья не вправе, ссылаясь на статью 32, пункт 2 части 1 статьи 135 ГПК РФ, возвратить исковое заявление потребителя, т.к. в таком случае в силу частей 7, 10 статьи 29 ГПК РФ, пункта 2 статьи 17 Закона выбор между несколькими судами, которым подсудно дело, принадлежит истцу.

Соответственно, если условие, определяющее территориальную подсудность дел, возникающих между спорящими сторонами, содержащееся в договоре, в установленном законом порядке не оспаривалось и является действительным, то это условие продолжает действовать и на день рассмотрения дела судом.

По настоящему делу подпункт 4. 1 пункта 4 соглашения от 25 марта 2021 года, определяющий территориальную подсудность споров, Е.В. не оспорил. При этом объяснения его представителя о том, что указанное условие не соответствует закону, предоставляющему потребителю право выбора между несколькими судами, данные в судебном заседании районного суда, об оспаривании данного условия в порядке, установленном гражданским процессуальным законом, не свидетельствует.

С учетом изложенного районный суд должен был руководствоваться положениями пункта 3 части 2 статьи 33 ГПК РФ, согласно которому суд передает дело на рассмотрение другого суда общей юрисдикции, если при рассмотрении дела в данном суде выявилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности.

Согласно части 3 статьи 330 ГПК РФ нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения, в том числе в силу п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ рассмотрение дела судом в незаконном составе в любом случае является основанием для отмены решения суда первой инстанции.

Вместе с тем, как следует из разъяснений, содержащихся в пунктах 53, 55, 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», нарушение судом первой инстанции норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности, основанием для применения судом апелляционной инстанции пункта 1 части 4 статьи 330 ГПК РФ не является.

Решение суда может быть отменено ввиду нарушения подсудности, если на нарушение правил подсудности указано в апелляционной жалобе и суд апелляционной инстанции в частности установит, что лицо, подавшее жалобу, заявляло в суде первой инстанции ходатайство о неподсудности дела этому суду и о передаче его по подсудности в соответствующий суд.

Если решение суда подлежит отмене ввиду нарушения судом первой инстанции правил подсудности, суд апелляционной инстанции передает дело в соответствии с правилами подсудности, установленными процессуальным законом, в суд общей юрисдикции, к подсудности которого законом отнесено рассмотрение этого дела в качестве суда первой инстанции (часть 2 статьи 33 ГПК РФ).

В суде первой инстанции Общество заявило о нарушении договорной подсудности, в связи с чем просило передать настоящее гражданское дело в Черемушкинский районный суд города Москвы, о чем представило письменные объяснения от 24 июня 2021 года.

Данные объяснения районный суд во внимание не принял, ошибочно полагая, что в спорной ситуации право выбора между несколькими судами принадлежит истцу, являющемуся потребителем. Следовательно, допустил существенное нарушение норм гражданского процессуального права, которые привели к рассмотрению дела судом, к чьей подсудности оно не отнесено, и, как следствие, к принятию неправильного решения.

Исковые заявления, которые предъявлены не в рамках дела о банкротстве гражданина и не рассмотрены судом до даты введения реструктуризации долгов гражданина, подлежат после этой даты оставлению судом без рассмотрения.

Акционерный коммерческий банк «Чувашкредитпромбанк» в лице конкурсного управляющего – Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» обратился в суд с иском к Г.С. о расторжении кредитного договора, взыскании задолженности по кредитному договору, обращении взыскания на заложенное имущество.

Решением районного суда от 9 июня 2021 года исковые требования удовлетворены.

В силу положений пунктов 1, 2 статьи 213.11 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введения реструктуризации его долгов вводится мораторий на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей. С указанной даты наступают, в частности, следующие последствия: требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены только в порядке, установленном Законом о банкротстве. Исковые заявления, которые предъявлены не в рамках дела о банкротстве гражданина и не рассмотрены судом до даты введения реструктуризации долгов гражданина, подлежат после этой даты оставлению судом без рассмотрения.

Из размещенного в общем доступе на сайте Арбитражного суда Чувашской Республики определения от 16 апреля 2021 года, копия которого представлена в дело, следует, что заявление налогового органа о признании несостоятельным (банкротом) Г.С. признано обоснованным и в отношении него введена процедура реструктуризации долгов гражданина. Финансовым управляющим в деле о банкротстве Г.С. утвержден В.Э.

Таким образом, на момент вынесения судом решения по настоящему делу (9 июня 2021 года) Арбитражным судом Чувашской Республики было принято определение о признании обоснованным заявления о признании ответчика Г.С. банкротом и введения реструктуризации его долгов, в связи с чем подлежали применению положения статьи 213.11 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Как усматривается из материалов дела, 18 сентября 2018 года между АКБ «Чувашкредитпромбанк» ПАО и Г.С. был заключен кредитный договор, на основании которого Банк предоставил заемщику кредит в размере 4 800 000 рублей. Ответчик принял на себя обязательство возвратить Банку денежную сумму, выданную в качестве кредита, и уплачивать проценты за пользование кредитом в сроки и в порядке, определенных условиями договора.

В обеспечение исполнения обязательств заемщика в тот же день заключен договор ипотеки, согласно которому в залог были переданы объекты недвижимости, принадлежащие на праве собственности ответчику Г.С.

Ссылаясь на неисполнение заемщиком своих обязательств по указанному кредитному договору, истец просил взыскать с ответчика задолженность, которая образовалась по состоянию на 24 февраля 2021 года, то есть до вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введения реструктуризации его долгов, также просил расторгнуть кредитный договор и обратиться взыскание на заложенные по договору залога от 18 сентября 2018 года объекты недвижимости.

В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Закона о банкротстве в целях настоящего Федерального закона под текущими платежами понимаются денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и обязательные платежи, возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом, если иное не установлено настоящим Федеральным законом. Возникшие после возбуждения производства по делу о банкротстве требования кредиторов об оплате поставленных товаров, оказанных услуг и выполненных работ являются текущими.

Согласно разъяснениям, изложенным в пунктах 1, 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 года № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве», в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Закона о банкротстве денежные обязательства относятся к текущим платежам, если они возникли после даты принятия заявления о признании должника банкротом, то есть даты вынесения определения об этом.

Учитывая изложенное, требования истца о взыскании кредитной задолженности, возникшей до возбуждения дела о банкротстве ответчика, не носят текущего характера. Требование о расторжении спорного кредитного договора взаимосвязано с требованием о взыскании долга по денежному обязательству, обращение взыскания на заложенное имущество путем его продажи с публичных торгов является способом исполнения решения о взыскании кредитной задолженности.

При таких обстоятельствах рассмотрение заявленных истцом требований невозможно за рамками дела о банкротстве.

Кроме того, как пояснил представитель истца в суде апелляционной инстанции, в рамках дела о банкротстве ответчика Г.С. истец обратился в Арбитражный Суд Чувашской Республики с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требований Банка по кредитному договору как обеспеченных залогом имущества.

Принимая во внимание изложенные выше обстоятельства, судебная коллегия пришла к выводу, что решение суда подлежит отмене, а настоящее исковое заявление в силу абзаца 3 пункта 2 статьи 213.11 Закона о банкротстве – оставлению без рассмотрения.

*Апелляционное дело № 33-3795/2021
Московский районный суд г. Чебоксары*

Вопрос о порядке осуществления родительских прав отдельно проживающим от ребенка родителем может быть разрешен судом по требованию одного из родителей, а не только по требованию отдельно проживающего родителя.

М.А. обратилась в суд с иском к М.П. об определении порядка общения отца М.П. с сыном.

Отказывая в принятии иска М.А., судья исходил из того, что гражданско-процессуальным законодательством не предусмотрено право обращения родителя, с кем проживает ребенок, в суд с иском об определении порядка общения с ребенком, а полномочий на представление интересов М.П. истец М.А. не имеет.

С выводом судьи об отказе в принятии к производству искового заявления суд апелляционной инстанции не согласился.

В силу пункта 2 статьи 66 Семейного кодекса Российской Федерации родители вправе заключить в письменной форме соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Если родители не могут прийти к соглашению, спор разрешается судом с участием органа опеки и попечительства по требованию родителей (одного из них). По требованию родителей (одного из них) в порядке, установленном гражданским процессуальным

законодательством, суд с обязательным участием органа опеки и попечительства вправе определить порядок осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения.

Пунктом 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года №10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» предусмотрено, что в соответствии с пунктом 2 статьи 66 Семейного кодекса Российской Федерации родители вправе заключить в письменной форме соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Если родители не могут прийти к соглашению, возникший спор разрешается судом по требованию родителей или одного из них с участием органа опеки и попечительства.

Как следует из искового заявления, стороны являются родителями несовершеннолетнего М.М., который проживает с матерью М.А.

Вывод суда первой инстанции об отсутствии у матери, проживающей совместно с ребенком, полномочий на предъявление в суд искового требования об определении порядка общения с ребенком отца, проживающего отдельно, является неправильным, поскольку в соответствии с положениями пункта 2 статьи 66 Семейного кодекса Российской Федерации вопрос о порядке осуществления родительских прав отдельно проживающим от ребенка родителем может быть разрешен судом по требованию одного из родителей, а не только по требованию отдельно проживающего родителя.

Соответственно, основания для отказа в принятии искового заявления матери, с которой проживает ребенок, у суда отсутствовали. Кроме того, данное требование направлено на защиту прав и интересов несовершеннолетнего на общение с отцом.

*Апелляционное определение № 33-4706/2021
Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики*

Спор о включении того или иного имущества в состав наследства и признании на него права собственности, если это имущество являлось не единственным у наследодателя, может являться и самостоятельным предметом судебного рассмотрения после установления факта принятия наследства.

В.Н. обратился в суд с заявлением в порядке особого производства об установлении факта принятия наследства после смерти отца, Н.Н., умершего 31 мая 2008 года.

Заявление мотивировано тем, что после смерти Н.Н. открылось наследство в виде земельного участка в садоводческом товариществе «Механизатор» площадью 0,15 га, из которых 0,10 га принадлежали Н.Н. на праве собственности, 0,05 га – на праве пожизненного наследуемого владения, что подтверждается государственным актом на землю; наследников первой очереди по закону двое – он (В.Н.) и его мать (заинтересованное лицо) Т.Н. – супруга наследодателя; в течение 6 месяцев со дня открытия наследства никто из наследников к нотариусу не обращался, тем не менее, наследство им было принято фактически – он вступил в члены СТ «Механизатор», стал ухаживать за садовым земельным участком, обустраивать его, уплачивать взносы и платежи в СТ, что подтверждается записями в членской книжке садовода; Т.Н. наследство не принимала и фактически; в настоящее время нотариус отказывает ему в выдаче свидетельства о праве на наследство по причине пропуска срока для принятия наследства.

Определением районного суда вышеуказанное заявление на основании части 3 статьи 263 ГПК РФ оставлено без рассмотрения. Суд посчитал, что имеется спор о праве, который должен разрешаться путем предъявления иска к администрации сельского поселения, администрации района и к другим наследникам Н.Н., и в резолютивной части определения разъяснил В.Н., что ему следует обратиться в суд с иском о признании за ним права собственности на спорный земельный участок в порядке наследования.

Оставляя заявление В.Н. без рассмотрения, районный суд исходил из того, что на день открытия наследства заявитель В.Н. проживал совместно с наследодателем, установление факта принятия наследства необходимо заявителю для регистрации права собственности на садовый земельный участок, но оформить права на него во внесудебном (нотариальном) порядке невозможно, поскольку отсутствует подлинник государственного акта о праве собственности наследодателя на земельный участок, из чего сделал вывод о наличии в возникших правоотношениях спора о праве.

Суд апелляционной инстанции с таким выводом не согласился.

В абзаце 5 пункта 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» указано, что при отсутствии у наследника возможности представить документы, содержащие сведения об обстоятельствах, на которые он ссылается как на обоснование своих требований, судом может быть установлен факт принятия наследства, а при наличии спора соответствующие требования рассматриваются в порядке искового производства.

В этой связи факт принятия наследства может являться как самостоятельным предметом установления по требованию наследника в особом производстве, так и подлежащим доказыванию впервые или ранее установленным основанием требования наследника о признании права собственности на имущество в порядке наследования в исковом производстве.

В.Н., зная об отсутствии подлинника государственного акта, при обращении в суд выбрал особый порядок и имущественных требований в отношении садового земельного участка не заявил.

Факт принятия наследства устанавливается судом тогда, когда наследник в установленный законом срок (статья 1154 ГК РФ) не обратился с заявлением о принятии наследства или о выдаче свидетельства о праве на наследство к нотариусу, но в этот срок вступил во владение или в управление наследственным имуществом, принял меры по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц, произвел за свой счет расходы на содержание наследственного имущества, оплатил за свой счет долги наследодателя или получил от третьих лиц причитающиеся наследодателю денежные средства (пункт 2 статьи 1153 ГК РФ).

Поступление возражений со стороны заинтересованных лиц, принимавших или не принимавших наследство, само по себе о наличии спора о праве свидетельствовать не может, поскольку заинтересованные лица и в особом производстве не лишены возможности доказывать существо своих возражений и опровергать заявленный к установлению факт. В настоящем деле возражений от Т.Н. даже не поступало.

Пунктом 2 статьи 1152 ГК РФ предусмотрено, что принятие наследником части наследства означает принятие всего причитающегося ему наследства, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось (пункт 2 статьи 1152 ГК РФ), из чего следует, что требований к виду и количеству принятого наследником наследственного имущества для установления соответствующего юридического факта закон не устанавливает, решением суда об установлении юридического факта полный состав наследственной массы не определяется.

Это в свою очередь означает, что при рассмотрении заявления об установлении факта принятия наследства в особом порядке суд не связан доводами заявления о принятии садового земельного участка, в отношении которого, по мнению суда, существует спор о его принадлежности наследодателю, но может предложить заявителю доказать принятие любого другого, в том числе движимого, имущества, бесспорно принадлежавшего наследодателю.

В абзаце 4 пункта 36 того же постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 года № 9, к примеру, указано, что в целях подтверждения фактического принятия наследства наследником могут быть представлены, в частности, справка о проживании совместно с наследодателем, квитанция об уплате налога, о внесении платы

за жилое помещение и коммунальные услуги, сберегательная книжка на имя наследодателя, паспорт транспортного средства, принадлежавшего наследодателю, договор подряда на проведение ремонтных работ и т.п. документы.

Таким образом, спор о включении того или иного имущества в состав наследства и признании на него права собственности, если это имущество являлось не единственным у наследодателя, может являться и самостоятельным предметом судебного рассмотрения после установления факта принятия наследства.

При таких обстоятельствах вывод судьи о возможности рассмотрения требования В.Н. об установлении факта принятия наследства только в рамках искового производства являлся преждевременным, достаточных оснований для применения части 3 статьи 263 ГПК РФ у суда не имелось, в связи с чем определение суда согласно пунктам 2, 4 части 1 статьи 330 ГПК РФ отменено с направлением дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу.

*Апелляционное определение № 33-5061/2021
Красноармейский районный суд Чувашской Республики*

Семейные отношения носят длящийся характер, что подразумевает возможность предъявления в суд требований об изменении однажды определенного судом порядка общения отдельно проживающего родителя с ребенком.

М.М., действующий в интересах несовершеннолетних детей, обратился в суд иском к О.В. об изменении установленного порядка общения с детьми.

Определением судьи районного суда в принятии искового заявления М.М. отказано на основании пункта 2 части 1 статьи 134 ГПК РФ.

Отказывая в принятии искового заявления М.М., судья указал на то, что заявленные М.М. требования направлены на пересмотр установленных ранее судами обстоятельств, по которым приняты судебные акты, вступившие в законную силу, спустя непродолжительный период времени.

При этом исходил из того, что решением районного суда по гражданскому делу 2-85/2021 и апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда республики по указанному делу разрешены исковые требования М.М. к О.В. и по встречному иску О.В. к М.М. и определен порядок общения М.М. с несовершеннолетними детьми. М.М. не представлено доказательств того, что установленные судебными актами обстоятельства изменились, вступившее в законную силу решение суда не исполняется.

Суд апелляционной инстанции не согласился с данным выводом судьи в силу следующего.

Положения подпункта 2 части 1 статьи 134 ГПК РФ предусматривают возможность отказа в принятии искового заявления только в случаях, когда право на судебную защиту (право на судебное рассмотрение спора) было реализовано в состоявшемся ранее судебном процессе на основе принципов равноправия и состязательности сторон и направлены на пресечение рассмотрения судами тождественных исков.

Согласно части 3 указанной статьи отказ в принятии искового заявления препятствует повторному обращению заявителя в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям.

Семейные правоотношения являются длящимися, в связи с чем решение суда принимаются по представленным и имеющимся на тот момент обстоятельствам, что подразумевает возможность предъявления в суд требований об изменении однажды определенного судом порядка общения, либо места проживания ребенка с учетом сложившихся отношений и обстоятельств.

Вместе с тем, судом первой инстанции не были учтены особенности правоотношений по воспитанию детей, в частности их длящийся характер, который

предполагает возможность изменения фактических обстоятельств, условий воспитания детей, служивших основанием ранее предъявленного иска. В связи с указанным применение правил о тождественности исков и отказ в принятии заявления допустимы не во всех случаях.

Из содержания искового заявления М.М. следует, что основанием обращения с настоящим иском в суд служит значительное изменение условий проживания и воспитания несовершеннолетних детей с момента вынесения решения по гражданскому делу №2-85/2021 об определении порядка общения М.М. с детьми.

Также суд апелляционной инстанции нашел несостоятельными указание судьи на непредставление М.М. доказательств изменения обстоятельств, на которых ранее основывался суд, то есть доказательств, на которых сам М.М. основывает свои требования, поскольку проверка наличия всех доказательств, на которых основаны требования заявителя, не свойственна стадии возбуждения дела. Такие доказательства могут быть представлены как при подготовке дела к судебному разбирательству, так и в ходе рассмотрения дела по существу.

*Апелляционное определение № 33-4627/2021
Московский районный суд г. Чебоксары*

Финансовые организации при оспаривании решений финансового уполномоченного могут обратиться с заявлением только в районные суды, поскольку имущественного спора между финансовым уполномоченным и финансовой организацией не имеется.

ПАО «Росбанк» обратилось в суд с заявлением, в котором просило отменить решение уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в сферах страхования, микрофинансирования, кредитной кооперации и деятельности кредитных организаций.

Возвращая заявление ПАО «Росбанк», судья исходил из того, что заявленные требования являются требованием имущественного характера, размер которого не превышает ста тысяч рублей, в связи с чем в силу пункта 5 части 1 статьи 23 ГПК РФ указанный иск подлежит рассмотрению мировым судьей.

С указанным выводом суд апелляционной инстанции не согласился.

В соответствии с частью 1 статьи 26 Федерального закона от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» в случае несогласия с решением финансового уполномоченного финансовая организация вправе в течение десяти рабочих дней после дня вступления в силу решения финансового уполномоченного обратиться в суд в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации.

Как следует из вопроса 5 Разъяснений по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 марта 2020 года, в соответствии с частью 1 статьи 26 Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» в случае несогласия с решением финансового уполномоченного финансовая организация вправе в течение десяти рабочих дней после дня вступления в силу решения финансового уполномоченного обратиться в суд в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, с учетом того, что имеет место гражданско-правовой спор между потребителем финансовой услуги и финансовой организацией.

Поскольку специального порядка обжалования финансовыми организациями решений финансового уполномоченного гражданским процессуальным законодательством не установлено, рассмотрение таких требований производится судами

общей юрисдикции по общим правилам производства в суде первой инстанции (подраздел II раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Ввиду того, что финансовый уполномоченный является лицом, разрешающим гражданско-правовой спор между потребителем финансовых услуг и финансовой организацией, он не может являться ответчиком по заявлению финансовой организации, не согласной с его решением, принятым по спору между потребителем финансовых услуг и этой организацией. Поскольку процессуальным законом данные вопросы прямо не урегулированы, исходя из общих принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (часть 4 статьи 1 ГПК РФ), финансовая организация в таком случае участвует в деле в качестве заявителя, финансовый уполномоченный и потребитель финансовых услуг привлекаются к участию в деле в качестве заинтересованных лиц.

С учетом вышеизложенных разъяснений, только потребитель при несогласии с вступившим в силу решением финансового уполномоченного вправе обратиться с иском к страховой компании в районный суд или к мировому судье, в зависимости от цены иска, а финансовые организации при оспаривании решений финансового уполномоченного вправе обратиться с заявлением в районный суд, поскольку имущественного спора между финансовым уполномоченным и финансовой организацией не имеется.

*Апелляционное определение № 33-4768/2021
Чебоксарский районный суд Чувашской Республики*

Суды в Российской Федерации вправе рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если по делу о возмещении вреда, причиненного имуществу, действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для предъявления требования о возмещении вреда, имело место на территории Российской Федерации.

ООО «СК «Гранта» обратилось в суд с иском к И.А. о взыскании убытков в порядке суброгации.

Определением судьи районного указанного исковое заявление ООО «СК «Гранта» возвращено истцу на основании пункта 2 части 1 статьи 135 ГПК РФ в виду неподсудности дела данному суду общей юрисдикции.

Принимая такое определение, судья исходил из того, что по общим правилам иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика, иск к организации предъявляется в суд по адресу организации. Ответчик по иску И.А. проживает в Республике Казахстан, возникший спор неподсуден Чебоксарскому районному суду.

Судом установлено, что ответчик И.А. является гражданином Республики Казахстан.

Подсудность гражданских дел с участием иностранных лиц в Российской Федерации определяется по правилам главы 3 ГПК с применением специальных норм, содержащихся в главе 44 ГПК РФ (часть 1 статьи 402 ГК РФ).

Частью 3 статьи 402 ГПК РФ фактически установлена альтернативная подсудность дел с участием иностранных лиц.

В силу пункта 5 части 3 статьи 402 ГПК РФ суды в Российской Федерации вправе также рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если по делу о возмещении вреда, причиненного имуществу, действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для предъявления требования о возмещении вреда, имело место на территории Российской Федерации.

Поскольку ДТП, по факту которого у истца возникло право на взыскание ущерба в порядке суброгации, произошло на территории, подсудной Чебоксарскому районному суду Чувашской Республики, то оснований у судьи для возвращения искового заявления ООО «СК «Гранта» со ссылкой на пункт 2 части 1 статьи 135 ГПК РФ в связи с его неподсудностью Чебоксарскому районному суду Чувашской Республики не имелось.

Если истец, являясь правопреемником ликвидируемого общества, обращается в суд за защитой своих прав, свобод и законных интересов, то спор подведомствен суду общей юрисдикции.

Г.К. обратился в суд с иском к Г.А. о признании недействительным договора купли-продажи квартиры и применении последствий недействительности сделки, указав, что за ООО «Полистромстрой» было зарегистрировано право собственности на квартиру, которая использовалась под офисное помещение. 16 июня 2014 года между ООО «Полистромстрой» в лице генерального директора Г.К. и Г.А. был заключен фиктивный договор купли-продажи названной квартиры с целью ее исключения из состава совместно нажитого супругами имущества. Однако Г.А., злоупотребляя доверием, зарегистрировала квартиру на свое имя, 12 марта 2015 года переоформила квартиру на свою сестру А.В., а 25 июня 2018 года вновь переоформила квартиру на свое имя. 30 мая 2018 года принято решение о предстоящем исключении ООО «Полистромстрой» из Единого государственного реестра юридических лиц, при этом согласно протоколу ликвидационной комиссии правопреемником основных фондов ООО «Полистромстрой» стал единственный учредитель Г.К.

Определением судьи первой инстанции исковое заявление возвращено заявителю.

Возвращая исковое заявление на основании пункта 2 части 1 статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, суд первой инстанции исходил из того, что исковое заявление подсудно арбитражному суду, поскольку исковое заявление подано Г.К. как заинтересованным лицом в интересах ООО «Полистромстрой» и целью иска является восстановление права собственности на квартиру в ЕГРН за ликвидированным и утратившим правоспособность обществом.

Суд апелляционной инстанции не согласился с приведенным выводом суда первой инстанции.

Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2011 года, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2011 года, спор подведомствен арбитражному суду, если истец имеет статус акционера (участника) акционерного общества или участника иного хозяйственного товарищества или общества и характер спора связан с осуществлением прав и выполнением обязанностей им как акционером или участником хозяйственного товарищества или общества.

Из содержания иска и приложенных к нему документов следует, что Г.К. оспаривает договор купли-продажи квартиры от 16 июня 2014 года, который был заключен задолго до принятия регистрирующим органом 30 мая 2018 года решения о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ, в отношении которого 18 сентября 2018 года внесена запись о прекращении юридического лица (исключение из ЕГРЮЛ недействующего юридического лица).

Обращаясь в суд с иском, Г.К. указал себя правопреемником ООО «Полистромстрой», ссылаясь на то, что согласно протоколу ликвидационной комиссии он как единственный учредитель является правопреемником основных фондов общества.

Между тем, после внесения в ЕГРЮЛ записи о прекращении ООО «Полистромстрой» ликвидационная комиссия прекращает свои полномочия, в связи с чем обращение Г.К. в суд с иском следует расценивать как заявление лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов.

В этой связи нельзя признать правильной ссылку суда первой инстанции на пункт 1 части 1 статьи 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, на основании которой суд первой инстанции возвратил исковое заявление.

Из содержания иска следует, что Г.К. оспаривает договор купли-продажи квартиры от 16 июня 2014 года, заключенный между ООО «Полистромстрой» и Г.А., указывая на нарушение своих имущественных прав, а не корпоративных прав участника какого-либо хозяйственного общества.

Таким образом, у суда первой инстанции отсутствовали основания для возвращения искового заявления.

*Апелляционное определение № 33-4479/2021
Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики*

Если исковое заявление о взыскании с должника долга по денежным обязательствам или обязательным платежам, за исключением текущих платежей, было подано до даты введения наблюдения, то в ходе процедур наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления право выбора принадлежит истцу: либо по его ходатайству суд, рассматривающий его иск, приостанавливает производство по делу на основании части 2 статьи 143 АПК РФ, либо в отсутствие такого ходатайства этот суд продолжает рассмотрение дела в общем порядке. Суд не вправе приостановить по названному основанию производство по делу по своей инициативе или по ходатайству ответчика.

18 июля 2021 года М.И. обратилась в суд с иском к АО «ГУКС» о взыскании неустойки за нарушение срока передачи квартиры по договору долевого участия в строительстве, излишне оплаченной по договору долевого участия в строительстве денежной суммы, компенсации морального вреда, штрафа.

Исковое заявление мотивировано тем, что 15 июня 2016 года между сторонами был заключен договор участия в долевом строительстве, по условиям которого АО «ГУКС» приняло на себя обязательства построить жилой дом. Предметом договора является квартира под условным номером № 141. В соответствии с дополнительным соглашением установлено, что застройщик обязуется передать квартиру в срок до 30 ноября 2018 года. Данное обязательство застройщиком в установленный законом срок не исполнено. Нарушение по срокам передачи квартиры произошло по вине застройщика.

21 июля 2021 года исковое заявление принято к производству суда и по нему возбуждено гражданское дело.

Определением районного суда производство по гражданскому делу прекращено ввиду введения в отношении ответчика процедуры наблюдения.

Прекращая производство по делу, суд первой инстанции исходил из того, что в отношении ответчика Арбитражным судом республики 31 августа 2021 года введена процедура наблюдения, назначен временный управляющий, в связи с чем требование участника строительства (в том числе гражданина) о взыскании с ответчика неустойки за нарушение предусмотренного договором срока передачи объекта долевого участия может быть предъявлено к должнику – застройщику только в арбитражный суд в рамках дела о банкротстве, как и денежные требования, перечисленные в подпункте 4 пункта 1 статьи 201.1 Закона о банкротстве.

Однако выводы суда первой инстанции суд апелляционной инстанции счел неправильными.

Как разъяснено в пункте 27 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 года № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», в силу абзаца второго пункта 1 статьи 63, абзаца второго пункта 1 статьи 81, абзаца восьмого пункта 1 статьи 94 и абзаца седьмого пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве с даты введения наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей,

могут быть предъявлены только в рамках дела о банкротстве в порядке статей 71 или 100 Закона.

В то же время из пункта 28 данного постановления Пленума ВАС РФ следует, что согласно абзацу 3 пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения наступает следующее последствие: по ходатайству кредитора приостанавливается производство по делам, связанным с взысканием с должника денежных средств, и кредитор в этом случае вправе предъявить свои требования к должнику в порядке, установленном данным Законом.

По этой причине, если исковое заявление о взыскании с должника долга по денежным обязательствам или обязательным платежам, за исключением текущих платежей, было подано до даты введения наблюдения, то в ходе процедур наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления право выбора принадлежит истцу: либо по его ходатайству суд, рассматривающий его иск, приостанавливает производство по делу на основании части 2 статьи 143 АПК РФ, либо в отсутствие такого ходатайства этот суд продолжает рассмотрение дела в общем порядке; при этом в силу запрета на осуществление по подобным требованиям исполнительного производства в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления исполнительный лист в ходе упомянутых процедур по такому делу не выдается. Суд не вправе приостановить по названному основанию производство по делу по своей инициативе или по ходатайству ответчика.

Как установлено судом, М.И. обратилась в суд с вышеназванным иском 18 июля 2021 года - до введения в отношении ответчика процедуры наблюдения (определение Арбитражного суда республики от 31 августа 2021 года).

Истец не ходатайствовал перед судом о приостановлении производства по делу, следовательно, в отсутствие такого ходатайства суд продолжает рассмотрение дела в общем порядке.

Кроме того, прекращая производство по делу, суд не принял во внимание, что истцом были заявлены требования о компенсации морального вреда, которые она обосновывала положениями Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». Истица указывала на то, что неисполнение застройщиком своих обязательств по передаче квартиры в установленный договором срок нарушило ее права как потребителя, и ей причинен моральный вред.

Поскольку иски граждан-потребителей о компенсации морального вреда подсудны суду общей юрисдикции во всяком случае, данный спор в этой части также подлежал рассмотрению именно судом общей юрисдикции.

*Апелляционное определение № 33-4731/2021
Ленинский районный суд г. Чебоксары*

Требования кредиторов о взыскании текущих платежей подлежат рассмотрению судом общей юрисдикции.

Т.С. обратилась в суд с иском к В.Ф. о взыскании задолженности по договору займа, процентов, судебных расходов.

Требования обоснованы тем, что 05 февраля 2021 года между истцом и ответчиком был заключен договор процентного займа, по которому истец путем осуществления погашения задолженности по уголовному делу в отношении ответчика передала, а В.Ф. принял денежную сумму в размере 25 000 000 рублей с обязательством по возврату суммы займа с процентами в срок до 30 апреля 2021 года. Истец свои обязательства выполнила, однако ответчиком сумма займа и проценты в установленный срок не возвращены. Определением Арбитражного Суда Чувашской Республики от 1 апреля 2021 года в отношении В.Ф. введена процедура банкротства – реструктуризация долгов. Поскольку иск о признании ответчика банкротом принят к производству Арбитражного

суда 9 ноября 2020 года, требования по настоящему иску Т.С. полагает текущими и подлежащими рассмотрению в порядке общего судопроизводства.

Определением судьи районного суда постановлено возвратить исковое заявление Т.С. на основании статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Возвращая исковое заявление, судья первой инстанции исходил из того, что возникший спор не подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, данный иск относится к подсудности Арбитражного суда Чувашской Республики ввиду введения в отношении должника процедуры банкротства.

Суд апелляционной инстанции не согласился с приведенным выводом суда первой инстанции, поскольку он основан на неправильном применении норм процессуального права.

Действительно согласно абзацу третьему пункта 2 статьи 213.11 Закона о банкротстве с даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктуризации его долгов требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, требования о признании права собственности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о признании недействительными сделок и о применении последствий недействительности ничтожных сделок могут быть предъявлены только в порядке, установленном Законом о банкротстве.

Согласно пункту 1 статьи 5 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в целях настоящего закона под текущими платежами понимаются денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и обязательные платежи, возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом, если иное не установлено настоящим Федеральным законом.

Как разъяснено в абзаце 2 пункта 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 года № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», текущими являются денежные обязательства и обязательные платежи, возникшие после возбуждения дела о банкротстве.

В пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 года № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» указано, что в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Закона о банкротстве денежные обязательства относятся к текущим платежам, если они возникли после даты принятия заявления о признании должника банкротом, то есть даты вынесения определения об этом.

Судам при применении данной нормы необходимо учитывать, что в силу статьи 2 Закона о банкротстве под денежным обязательством для целей этого Закона понимается обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному основанию, предусмотренному Гражданским кодексом Российской Федерации.

Таким образом, в качестве текущего платежа может быть квалифицировано только то обязательство, которое предполагает использование денег в качестве средства платежа, средства погашения денежного долга.

При применении пункта 1 статьи 5 Закона о банкротстве судам следует учитывать, что обязательство возвратить денежную сумму, предоставленную по договору займа (статья 810 ГК РФ) или кредитному договору (статья 819 ГК РФ), возникает с момента предоставления денежных средств заемщику (пункт 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 года № 63).

Исходя из положений части 3 статьи 127 и части 1 статьи 223 АПК РФ, датой возбуждения производства по делу о банкротстве является дата вынесения определения о принятии заявления о признании должника банкротом.

Как следует из материалов дела, договор займа, на основании которого у ответчика возникло обязательство по возврату долга истцу, заключен 05 февраля 2021 года, при этом операция по переводу предусмотренной договором суммы займа согласно платежному поручению исполнена также 5 февраля 2021 года, то есть после возбуждения дела о банкротстве 9 ноября 2020 года. В этой связи требование истца о взыскании с ответчика долга по указанному договору займа относится к требованиям о взыскании текущих платежей и подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства.

*Апелляционное определение № 33-4544/2021
Московский районный суд г. Чебоксары*

Требования, вытекающие из неисполнения или ненадлежащего исполнения нескольких договоров, подлежат рассмотрению в порядке искового производства.

Банк ВТБ (ПАО) обратился в суд с иском к В.С. о взыскании задолженности по кредитным договорам.

Определением районного суда исковое заявление оставлено без рассмотрения в связи с тем, что заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

Оставляя без рассмотрения исковое заявление Банк ВТБ (ПАО), суд исходил из того, что настоящее дело неподсудно районному суду, поскольку требования о взыскании задолженности по кредитным договорам в сумме, не превышающей 500000 рублей, подлежат рассмотрению мировым судьей в порядке приказного производства.

По мнению судебной коллегии, данный вывод суда первой инстанции не соответствовал закону.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 23 ГПК РФ мировой судья в качестве первой инстанции рассматривает дела о выдаче судебного приказа.

Судебный приказ – это судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным статьей 122 ГПК РФ, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, не превышает пятьсот тысяч рублей (часть 1 статьи 121 ГПК РФ).

В силу абзаца 3 статьи 122 ГПК РФ судебный приказ выдается, если требование основано на сделке, совершенной в простой письменной форме.

Из разъяснений, данных в подпункте 2 пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве», следует, что мировой судья возвращает заявление о выдаче судебного приказа на основании части 1 статьи 125 ГПК РФ, в том числе, в случае если требования взыскателя вытекают из неисполнения или ненадлежащего исполнения нескольких договоров, за исключением требований к солидарным должникам, например, к основному должнику и поручителям.

Из указанных разъяснений следует, что в порядке приказного производства по общему правилу не подлежат рассмотрению требования, вытекающие из неисполнения или ненадлежащего исполнения нескольких договоров.

Из искового заявления усматривается, что Банком ВТБ (ПАО) заявлены требования о взыскании задолженности по двум кредитным договорам от 11 ноября 2016 года и от 17 июня 2017 года, следовательно, рассмотрение указанных требований в порядке

приказного производства не предусмотрено гражданским процессуальным законодательством.

*Апелляционное определение № 33-4776/2021
Калининский районный суд г. Чебоксары*

10. Практика применения административного законодательства.

Объектом налогообложения признается транспортное средство, зарегистрированное в установленном порядке, поэтому в случае отсутствия транспортного средства у налогоплательщика (например, в связи с уничтожением), транспортный налог не подлежит исчислению и уплате ввиду отсутствия объекта налогообложения.

Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы по Чувашской Республике обратилась в суд с административным иском о взыскании с А.А. задолженности по транспортному налогу за 2018 год и пени по транспортному налогу.

Требования мотивированы тем, что за административным ответчиком были зарегистрированы четыре транспортных средства. В установленном Законом порядке налогоплательщику направлены налоговые уведомления, которые не были исполнены налогоплательщиком, в связи с чем, на сумму недоимки налоговым органом начислены пени. Для добровольной уплаты задолженности налоговым органом направлены ответчику требования. Требования налогоплательщиком не исполнены, задолженность перед бюджетом до настоящего времени административным ответчиком не погашена.

Разрешая спор и удовлетворяя требования налогового органа, суд первой инстанции исходил из того, что налоговым органом соблюден порядок начисления и взыскания транспортного налога, административный ответчик, являясь собственником объектов налогообложения в названный период, обязанность по уплате налогов надлежащим образом не исполнил.

Между тем при рассмотрении настоящего дела судом первой инстанции не принято во внимание следующее.

Объектами налогообложения является, в том числе имущество, под которым в Налоговом кодексе Российской Федерации понимаются виды объектов гражданских прав, относящихся к имуществу в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (пункты 1 и 2 статьи 38 названного выше кодекса).

Гражданский кодекс Российской Федерации к объектам гражданских прав относит вещи, включая движимое имущество (пункт 1 статьи 128 и пункт 2 статьи 130).

В силу абзаца первого статьи 357 Налогового кодекса Российской Федерации налогоплательщиками транспортного налога признаются лица, на которых в соответствии с законодательством Российской Федерации зарегистрированы транспортные средства, признаваемые объектом налогообложения в соответствии со статьей 358 данного кодекса.

Согласно пункту 1 статьи 358 НК РФ объектом налогообложения признаются, в частности, автомобили, зарегистрированные в установленном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации.

По смыслу приведенных законоположений в их системном единстве в качестве объекта налогообложения транспортного налога признаются объекты, соответствующие одновременно двум критериям: является транспортным средством, обладающим определенным физическим показателем; зарегистрирован в установленном порядке согласно законодательству Российской Федерации.

Судом установлено, что налоговым органом исчисление транспортного налога за 2015, 2016, 2017 и 2018 годы осуществлено в отношении четырех транспортных средств, принадлежащих налогоплательщику.

Представителем административного ответчика указано, что А.А. в своем обращении в налоговый орган просил пересчитать транспортный налог и пени в связи с тем, что объект налогообложения транспортное средство Фольксваген Шаран утрачено 28 июля 2010 года по причине гибели в результате пожара.

Из приложенного к апелляционной жалобе письма налогового органа, принятого судебной коллегией в качестве нового доказательства, следует, что транспортное средство Фольксваген Шаран было зарегистрировано за административным ответчиком в период с 18 января 2007 года по 28 июля 2010 года, в связи с чем, налоговым органом произведен перерасчет транспортного налога за 2017, 2018, 2019 годы к уменьшению.

Согласно пункту 1 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации основанием прекращения права собственности на вещь является, в том числе, гибель или уничтожение этой вещи, влекущие полную и безвозвратную утрату такого имущества, то есть право на вещь не может существовать в отсутствие самой вещи.

Таким образом, в отсутствие доказательств о регистрации автомобиля Фольксваген Шаран за ответчиком в уполномоченном органе, вывод суда первой инстанции об обязанности административного ответчика уплатить транспортный налог за 2018 год за данный автомобиль и пени, исчисленные за неуплату транспортного налога, является ошибочным, основанным на неправильном применении норм материального права, регулирующих возникшие между сторонами отношения.

С учетом изложенного судебная коллегия отменила состоявшееся по делу решение суда первой инстанции и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований.

*Апелляционное определение № 33а-4485/2021
Маршско-Посадский районный суд Чувашской Республики*

Суды, рассматривая дела о нарушении иностранными гражданами режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, влекущем административное выдворение за ее пределы, должны учитывать обстоятельства, позволяющие надлежащим образом оценить соразмерность его последствий целям введения данной меры административной ответственности, в том числе длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение.

Иностранец гражданин Г.Ю. обратился в суд с административным иском о признании незаконным и отмене решения Управления внутренних дел о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации.

В обоснование заявленных требований указал, что отделением по вопросам миграции принято решение от 26 февраля 2021 года о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, сроком до 25 мая 2023 года, основанием для принятия решения стали факты совершения Г.Ю. административных правонарушений. Однако, как указывает административный истец, при принятии данного решения административным ответчиком не было принято во внимание то обстоятельство, что Г.Ю. состоит в браке с гражданкой Российской Федерации А.Г., в Нижегородской области проживает его сын К.Г., который является гражданином Российской Федерации по рождению. Его супруга не может осуществлять трудовую деятельность по причине необходимости осуществления постоянного ухода за отцом-инвалидом. По мнению административного истца, оспариваемое решение нарушает его права и свободы, поскольку исключает совместное проживание с супругой на территории Российской Федерации.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований Г.Ю., суд первой инстанции пришел к выводу о законности оспариваемого решения, отсутствии нарушений прав, свобод и законных интересов административного истца.

Судебная коллегия с таким выводом суда первой инстанции не согласилась, указав следующее.

В соответствии с пунктом 4 статьи 26 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства может быть не разрешен в случае, если иностранный гражданин или лицо без гражданства неоднократно (два и более раза) в течение трех лет привлекались к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации за совершение административного правонарушения на территории Российской Федерации, – в течение трех лет со дня вступления в силу последнего постановления о привлечении к административной ответственности.

В пунктах 5, 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» указано: как следует из положений Конвенции и Протоколов к ней в толковании Европейского Суда, под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод.

При этом в силу части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Судам при рассмотрении дел всегда следует обосновывать необходимость ограничения прав и свобод человека исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

Учитывая, что пункт 4 статьи 26 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не предусматривает безусловный отказ в выдаче разрешения на въезд в Российскую Федерацию гражданину или лицу без гражданства в случае неоднократного (два и более раза) привлечения этих лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации за совершение административного правонарушения на территории Российской Федерации, а лишь предусматривает возможность такого отказа, суды, не ограничиваясь установлением лишь формальных оснований применения закона, должны исследовать и оценивать реальные обстоятельства, чтобы признать соответствующие решения в отношении иностранного гражданина необходимыми и соразмерными. В противном случае это может привести к избыточному ограничению прав и свобод иностранных граждан.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 17 февраля 2016 года № 5-П, суды, рассматривая дела, связанные с нарушением иностранными гражданами режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, должны учитывать обстоятельства, касающиеся длительности проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство. Уполномоченные органы обязаны избегать формального подхода при рассмотрении вопросов, касающихся, в том числе и неразрешения въезда в Российскую Федерацию.

Как установлено судом первой инстанции, Г.Ю. неоднократно (три раза) привлекался к административной ответственности за совершение на территории Российской Федерации административных правонарушений в области дорожного движения.

Данное обстоятельство давало Отделу МВД России формальные основания для принятия оспариваемого решения.

Вместе с тем доказательств того, что оспариваемое решение обусловлено крайней социальной необходимостью, интересами национальной безопасности, экономического благосостояния страны, принято в целях предотвращения беспорядков и преступлений, административный ответчик в нарушение требований части 11 статьи 226 КАС РФ ни суду первой инстанции, ни суду апелляционной инстанции не привел, и таких доказательств в деле не имеется.

Оценивая доводы административного иска относительно нарушения оспариваемым решением права административного истца на уважение его личной и семейной жизни, судебной коллегией установлено, что Г.Ю. продолжительное время проживает на территории Российской Федерации (с 1995 года), женат на гражданке Российской Федерации с 2018 года, имеет сына, являющегося гражданином Российской Федерации.

Таким образом, у административного истца сложились устойчивые связи с Российской Федерацией, следовательно, оспариваемое решение свидетельствует о чрезмерном ограничении права на уважение частной жизни и несоразмерно тяжести совершенных истцом административных проступков, характер которых не свидетельствует о проявлении крайнего неуважения к национальному законодательству Российской Федерации.

С учетом изложенного, судебная коллегия пришла к выводу, что неразрешение въезда в Российскую Федерацию Г.Ю. является неоправданным и несоразмерным совершенному им нарушению закона, нарушает его права и законные интересы.

Учитывая изложенное, решение суда первой инстанции было отменено и по делу принято новое решение о признании незаконным решение ОМВД России о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранному гражданину Г.Ю.

*Апелляционное определение № 33а-4785/2021
Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики*

Требования о признании незаконными решений и действий (бездействия) должностных лиц, полномочия которых не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу, подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

И.О. обратился в суд с административным иском к и.о. руководителя Следственного отдела о признании незаконными действий, выразившихся в направлении ему не соответствующего требованиям действующего законодательства ответа на его обращение и возложении на должностное лицо обязанность рассмотреть по существу его

заявление и направить в его адрес копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Прекращая производство по административному делу на основании пункта 1 части 1 статьи 194 КАС РФ, суд первой инстанции исходил из того, что правоотношения, по поводу которых возник спор, не являются правоотношениями, регулируемым Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, поскольку они вытекают из заявления И.О. (сообщения о преступлении), по которому проведена процессуальная проверка.

Суд апелляционной инстанции с указанным выводом районного суда не согласился ввиду следующего.

В соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предметом обжалования в суде могут быть постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Согласно правовой позиции, изложенной в абзаце 2 пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2019 года № 1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно - процессуального кодекса Российской Федерации", не подлежат обжалованию в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации решения и действия (бездействия) должностных лиц, полномочия которых не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу.

Из содержания административного иска следует, что И.О., не оспаривая содержание вынесенного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, просит дать оценку бездействию и.о. руководителя Следственного отдела в связи не рассмотрением его письменного обращения.

Принимая во внимание, что полномочия административного ответчика связанные в направлением в адрес заявителя процессуального документа принятого по его обращению, а равно несогласие заявителя с ответом данным ему должностным лицом, не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу, бездействие и.о. руководителя Следственного отдела не подлежит обжалованию в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Изложенное свидетельствует о том, что заявленные требования подлежат разрешению в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

*Апелляционное определение № 33а-4822/2021
Калининский районный суд г. Чебоксары*